

FORUM AI

IN SEARCH OF “NATURAL BOUNDARIES” OF RUSSIA’S CENTRAL ASIA

В ПОИСКАХ “ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ” РОССИЙСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Материалы форума, наряду с другими докладами, не вошедшими в данную публикацию, были впервые представлены на круглом столе “Representations and Politics of Borders and Borderlands in Eurasia: Past and Present”, проведенного Светланой Горшениной в рамках семинара “CEELBAS Ideologies, Identities and Images in Motion Series” 10 декабря 2013 в Университете Манчестера. Более детальную информацию см.: https://www.academia.edu/4993250/Workshop_Representations_and_Politics_of_Borders_and_Borderlands_in_Eurasia_Past_and_Present.

Contributions to the forum are based on presentations for the roundtable “Representations and Politics of Borders and Borderlands in Eurasia: Past and Present” that was held on December 10, 2013 at the University of Manchester as part of the seminar convened by Svetlana Gorshenina “CEELBAS Ideologies, Identities and Images in Motion Series”. See: https://www.academia.edu/4993250/Workshop_Representations_and_Politics_of_Borders_and_Borderlands_in_Eurasia_Past_and_Present.

Светлана ГОРШЕНИНА

ТЕОРИЯ “ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ” И ЗАВОЕВАНИЕ КУЛЬДЖИ (1870–1871 ГГ.):

**АВТОПОРТРЕТ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ЭЛИТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ТУРКЕСТАНА***

Обсуждение характера российской военной экспансии в Средней Азии в XIX в. сохраняет свою актуальность, несмотря на то что многие риторические формулы, выработанные российскими военно-политическими элитами того времени уже неоднократно были развенчаны в ходе “нормализации” российской истории. В частности, пересмотру подверглась идея о “случайности” завоевания¹ или оправдание стремления России к “приращению” территорий желанием достигнуть неких гипотетических “естественных границ”. Однако механизм рас-

---

* Статья является переработанным вариантом главы опубликованной книги: Svetlana Gorshenina. *Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique*. Paris, 2012. Pp. 95-182. В основе настоящей версии – сообщение, представленное в рамках конференции “Le Turkestan colonial: une colonie pas comme les autres?”, Париж, 19-20 мая 2009, Réseau Asie – IMASIE (CNRS-FMSH) и IFEAC. Автор выражает признательность редакции журнала и трем анонимных рецензентам за их важные наблюдения.

¹ Более подробно о различных теориях, используемых в качестве легитимирующей базы на различных этапах расширения границ Российской империи в Азии, см. Gorshenina. *Asie centrale*. Pp. 56-93.

пространения российского колониализма в Средней Азии все еще не до конца ясен и требует дополнительных исследований, особенно на уровне микроистории, позволяющей соотнести господствовавшие в то время теории границы с конкретными действиями “создателей” границ.

1. Теория “естественных границ” в российском контексте

1. КАК ОПРЕДЕЛИТЬ “ИСТИННЫЕ ПРЕДЕЛЫ” ИМПЕРИИ?

Истоки теории “естественных границ” восходят к работам Фридриха Ратцеля (*Friedrich Ratzel*, 1844–1904), который выделял “органические” и “неорганические” пределы.² Базирующиеся на его естественнонаучных и детерминистских идеях различного рода построения – философские, географические, военные или геополитические – продолжали при анализе пространственных конфигураций государств использовать “природные” категории. В этих категориях границы подразделялись, согласно более поздней систематизации Самюэля Боггса (*Samuel Whittemore Boggs*, 1889–1954), на “хорошие” и “естественные” и “несовершенные” и “искусственные”.³ Географы, геополитики и историки (главным образом, западные) создали целую традицию критического пересмотра этих оценочных классификаций.⁴ На многих примерах критики демонстрировали искусственность всех границ, независимо от того, совпадают они или нет с разнообразными геоморфологическими объектами: хребтами гор, реками, береговыми линиями морей и океанов, водоразделами; с лингвистическими, антропологическими или религиозными характеристиками населения; с умозрительными подразделениями на климатические, температурные, почвенные или растительные пояса, которые определяют на

² Friedrich Ratzel. *La géographie politique. Les concepts fondamentaux.* (1ère éd. 1897) / Choix de textes et trad. par François Ewald, préface de Michel Korinman. Paris, 1987. P. 59.

³ Samuel Whittemore Boggs. *International Boundaries: A Study of Boundary Functions and Problems.* New York, 1940. Pp. 25-26.

⁴ Stephen Barr Jones. *Boundary-Making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners* / Foreword by S. Whittemore Bogg. [Monograph series of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International law, No. 8]. Washington, 1945. Pp. 7-8; Jean Gottmann. *La politique des États et leur géographie.* Paris, 1952. P. 123; Michel Foucher. *L'invention des frontières.* Paris, 1987. Pp. 133-136, 145; Paul Guichonnet et Claude Raffestin. *Géographie des frontières.* [Paris], 1974. Pp. 55-58. См. также: Daniel Nordman. *Frontières de France. De l'espace au territoire, XVIe–XIXe siècles.* Paris, 1999; Régis Debray. *Eloge des frontières,* Paris, 2010; Michel Houellebecq. *La carte et le territoire.* Paris, 2010.

основе среднестатистических, т.е. не существующих в реальности, показателей или еще с более спорными категориями, восходящими к эпохе Просвещения: “цивилизация”/“демократия европейского типа” и “варварство”/“восточный или азиатский деспотизм”.

Спекулятивные рассуждения и упрощенные картографические проекции представляют границы как очевидные, в то время как любые “естественные границы” носят на практике композитный характер. Те, кто определял границы на местах, неизбежно являлись “заложниками” существующего уровня знаний о разграничиваемых территориях. Они были вынуждены лавировать между разнообразными геоморфологическими объектами,⁵ комбинируя различные критерии демаркации, поскольку никакого “идеального” ландшафта, буквально соответствующего естественно-детерминистским теориям, в реальности не существовало. Критический анализ ансамбля компонентов “естественных границ” свидетельствует, что они представляют собой квинтэссенцию “сконструированных сообществ”, “воображенных” (в смысле Бенедикта Андерсона⁶) – и в то же время “реальных”. Именно эти хронологически обусловленные пространственные рубежи определяют жизнь людей в приграничных регионах, задают интеллектуальные рамки научных дискуссий и определяют направленность политических программ.

Однако в отношении российского имперского опыта “приращения” территорий теория “естественных границ” периодически вновь появляется в качестве приемлемого аргумента в ходе научных или (гео) политических дискуссий. При этом эту теорию нередко воспринимают как некий абсолютный научный принцип, никак не связанный с конкретными историческими ситуациями и меняющейся аргументацией участников определения границ. Последние же апеллировали к “естественным границам” как для доказательства необходимости дальнейшего продвижения России вглубь Азии, так и предостерегая от опрометчивых действий на юго-восточном направлении.

Процветанию теории “естественных границ” способствовала и способствует континентальная протяженность Российской империи, не отделенной от своей среднеазиатской периферии морскими просторами, а лишь исключительно километрами степного пространства. В XIX в. это обстоятельство открыло российским политикам и военным

⁵ Foucher. L'invention des frontières. P. 130.

⁶ Benedict Anderson. L'imaginaire national: réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme / Trad. de l'anglais par Pierre-Emmanuel Dauzat. Paris, 2002.

обширное поле для спекулятивных умозаключений. С одной стороны, утверждалось отсутствие в Средней Азии “подлинных” границ (под “подлинными” понимались границы, соответствующие европейской концепции стабильной видимой “границы-линии”, зафиксированной законодательно и картографически).⁷ Это в равной степени относилось как к населению кочевой степи, так и к оседлому населению туркестанских оазисов. С другой стороны, “собственная” граница России трактовались как легитимный подвижный фронт,⁸ напоминающий

⁷ Представление об отсутствии границ в степи восходит к наблюдениям европейского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна (*Sigismund von Herberstein*, 1486–1566): Robert Delort. *La Moscovie du XVIe siècle vue par l'ambassadeur occidental Herberstein*. Paris, 1965. Pp. 161-162; Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Под ред. А. В. Назаренко, А. И. Плигузова, А. Л. Хорошевич, В. Л. Янина. Москва, 1988. С. 170. Позднее, в 1832 г., Алексей Левшин (1798–1879) высказал идею, многократно повторенную его современниками и последующими поколениями, о существовании “четких границ” Великой степи на севере с Россией и на востоке с Китаем, ибо эти границы были установлены двумя “цивилизованными странами”. Однако южные границы степи он характеризовал как размытые до такой степени, что сами кочевники не знают, где заканчиваются их владения, см.: А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Санкт-Петербург, 1832. С. 2; Л. Мейер. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10: Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург, 1865. С. 10; Н. А. Халфин. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. Москва, 1986. Р. 126. Об эволюции концепта границ в России на протяжении XV–XVI вв. см.: Michael Khodarkovsky. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002. Pp. 47-51. Наблюдение об отсутствии границ в степи экстраполировалось и на оседлые оазисные государства Средней Азии, см., в частности, замечание военного географа Михаила Венюкова об отсутствии границ на юге Кокандского ханства: М.И. Венюков. Пояснительная записка к карте Кокандского ханства // Записки императорского русского географического общества. Санкт-Петербург, 1862. Кн. 1. С. 173, и еще более радикальное утверждение Л. Мейера о полном отсутствии границ этого ханства: Мейер. Материалы для географии и статистики России. С. 11-12.

⁸ О теории перемещающихся границ, о понятии приграничного пионерского фронта, действительного для всех обществ на основе расширяющейся ойкумены и описанного впервые Фредериком Джексоном Тернером (*Frederick Jackson Turner*), а также об этапах перемещения границы в условиях колониальной ситуации см., в частности: Joseph L. Wieczynski. *Toward a Frontier Theory of Early Russian History*// *Russian Review*. 1974. V. 33. No. 3. Pp. 284-295; Guichonnet et Raffestin. *Géographie des frontières*. Pp. 26-27, 36-38, 65-73; David Gillard. *The struggle for Asia: 1828–1914: a Study in British and Russian Imperialism*. London, 1977. Pp. 116-119; Ralph S. Clem. *The Frontier and Colonialism in Russian and Soviet Central Asia* // Robert A. Lewis (Ed.). *Geographic Perspectives on Soviet Central Asia*. London and New York, 1992. Pp. 21-22, 26-27.

по форме скорее не “границу-линию”, а довольно широкую полосу. Ее нередко определяли как “линию российского влияния”, но чаще называли “оборонительной линией”, состоящей из фиксированных и мобильных элементов: заградительных укреплений, протянувшихся на несколько километров; точно разбросанных военных поселений; отдельных фортификационных сооружений: постов, отстоящих далеко в степи; полосы выжженной земли; казачьих разъездов; отдельных глубоких рейдов.⁹ Поэтому, защищая российские земли от кочевников-“хищников”,¹⁰ начиная с X в. российские войска последовательно перемещали в пространстве “собственную” границу, не затрагивая “чужой”. Движение шло от одной климатической зоны к другой по направлению к югу: от “лесостепи” (XVI–VIII вв.) к “полюнной и ковыльной степи” (XVIII – первая половина XIX в.) и до полупустынь и пустынь – с 1840-х гг.¹¹ Переходя таким образом от одного “естественного” рубежа к другому, границы, однако, никак законодательно не были оформлены вплоть до 1870-х гг. Это придавало им одновременно и реальный и фиктивный характер,¹² оставляя возможность их дальнейшего перемещения к юго-востоку, до следующего “естественного рубикона”, и делая практически невозможной работу по их картографической фиксации.¹³

Различные трактовки теории “естественных границ” в различных контекстах позволяли успешно легитимировать имперский дискурс российских элит, особенно в сочетании с представлениями об арийско-туранской сущности русского народа, о “несчастном роке”, подгоняющем Россию к Азии, об “исторической необходимости” продвижения на Восток, о “народном” и “безотчетном” характере российской колонизации, о “мессианском” и “цивилизаторском”

⁹ Лео Багров. История русской картографии. Москва, 2005 [1975]. С. 184, 186.

¹⁰ Михаил Венюков. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Санкт-Петербург, 1873–1876. Т. 1. С. 16–17.

¹¹ Петр Савицкий. Географические заметки по русской истории // Петр Савицкий. Континент Евразия. Москва, 1997 [1927]. С. 317–322.

¹² Венюков. Опыт военного обозрения. Т. 1. С. 26–27.

¹³ Британский географ Джон Т. Валкер (*John T. Walker*) писал о сложностях фиксирования границ в 1860–1870 гг.: John Walker. Notes on the Maps of Central Asia and Turkestan Which have been Compiled and Published in the Office of the Great Trigonometrical Survey of India, Under the Superintendence of Colonel J. T. Walker, R. E. // John Walker. General Report on the Operations of the Great Trigonometrical Survey of India During 1872–73, Prepared for Submission to the Government of India. Calcutta, 1873. P. XI.

характере российского присутствия в Азии и т.д. В то же время теория “естественных границ” нередко объединялась и с более практическими рассуждениями о необходимости связать разрозненные фрагменты “оборонительных линий” прямыми дорогами;¹⁴ о том, что, планируя военное продвижение в Азию, следует учитывать характер российской армии, лучше подготовленной к быстрому нападению, а не к обороне;¹⁵ о важности поддержания престижа российских войск регулярными победами¹⁶ или о получении экономических и торговых выгод.

Вне зависимости от комбинаций теория “естественных границ” выступала конституирующим элементом пространственной технологии власти, которую в равной мере разделяли элиты России и западные политики (в частности, в Алжире, Индии или Техасе). Государство им виделось в качестве “органической” структуры, способной успешно расти и позитивно развиваться исключительно в благоприятных естественных условиях. Способность к расширению границ в пространстве ставилась в пропорциональную зависимость от почвы, климата и народного “гения”, а целью этого “молекулярного роста” было достижение неких гипотетических “естественных” или “видимых” пределов.¹⁷

После печально окончившегося похода генерала Василия Перовского на Хиву в 1839–1840 гг. генерал Владимир Обручев писал о достижении Россией своих “естественных границ”. Исходя из военных соображений он проводил границу там, где остановился Перовский, т.е. по северным рубежам Голодной степи. Кочевникам, писал Обручев, сложно будет перейти пустынное пространство, дополнительно

---

¹⁴ Письмо военного министра Д. А. Милютинина от 28 июня 1862 г. начальнику военного корпуса Сибири // Центральный государственный архив республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-715. Оп. 1. Д. 26. Л. 234-238.

¹⁵ Алексей Куропаткин. Задачи русской армии. Санкт-Петербург, 1910. Т. 3. С. 99-101, 104.

¹⁶ Вениюков. Опыт военного обозрения. Т. 1. С. 29-30, 319; George Nathaniel Marquis of Curzon. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. London, New York, 1889. Pp. 85-86, 133.

¹⁷ Marlène Laruelle. *Le mythe aryen en Russie au XIXe siècle. La création d'une cosmogonie nationale, entre science et idéologie / Thèse de doctorat*; Paris, 2002. P. 342; Mark Bassin. Turner, Solov'ev, and the “Frontier Hypothesis”: The Nationalist Signification of Open Spaces // *The Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3. Pp. 473-511.

укрепляющие российские границы.¹⁸ Однако генерал Гюстав Гасфорд в 1852 г. считал, что “естественная граница” должна быть установлена южнее, уже за этой безжизненной полосой.¹⁹ Позднее князь Александр Меншиков говорил, возвращаясь к идее 1840-х гг., о перемещении границы на берега Сырдарьи,²⁰ в то время как в 1858–1859 и в 1861 гг. оренбургские генералы Александр Катенин и Александр Безак предлагали установить границу намного южнее по течению Джанадарьи (южнее среднего русла Амударьи).²¹ Вслед за ними российский генералитет начал обсуждать возможность проведения границы новой Кокандской оборонительной линии вдоль хребтов Каратау, но отсутствие воды в регионе заставило искать ее южнее, по реке Арысь. Однако, не дожидаясь конца согласований в высших инстанциях, генерал Михаил Черняев по собственной инициативе захватил Чимкент, находившийся за Арысью, после чего получил приказ найти какой-нибудь видимый “естественный предел” между Чимкентом и Ташкентом для привязки к нему новой “естественной границы”.²² К концу 1870-х гг. такой границей стал уже правый, афганский, берег Амударьи. Эту границу защищал даже такой скептический военный географ, как Михаил Венюков,²³ который в самом начале 1870-х еще считал наилучшей “естественной границей” ту, что была установлена между кочевниками и оседлыми после завоевания Сибири.²⁴ Позднее, однако, он все более склонялся к идее отодвинуть российскую границу далее на юг, к хребтам Гиндукуша...

Подобная эволюция локализации “естественных границ” была характерна и для другого видного военно-политического деятеля, Алексея Куропаткина, в 1887 г. писавшего, что русская миссия в Азии достигла своего “естественного завершения”, а в 1910-х гг. заявлявшего, что интересы империи требуют установления новых “естественных” границ южнее Китайского Туркестана.²⁵

¹⁸ Венюков. Опыт военного обозрения. Т. 1. С. 28-29.

¹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 (37)-44 (56).

²⁰ Там же. Л. 115 (125)-116 (124).

²¹ Там же. Д. 20. Л. 498-499, 506; Д. 22. Л. 376-400; Д. 25. Л. 405, 485-489.

²² Куропаткин. Задачи русской армии. Т. 3. С. 99.

²³ Венюков. Опыт военного обозрения. Т. 2. С. 139-140.

²⁴ Там же. Т. 1. С. 25.

²⁵ John P. LeDonne. *The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment*, New York, Oxford, 1997. P. 220.

2. Случай Кульджи: корреляция теории “естественных границ”
и военно-политической имперской практики

Поиски “естественных границ” затронули и территорию восточного Туркестана. Пекинский дополнительный договор об установлении русско-китайских границ, о порядке дипломатических сношений и о торговле в Кульдже,²⁶ заключенный 14 ноября 1860 г. уполномоченным Российского государства Николаем Игнатьевым и уполномоченным Цинской империи великим князем Гуном, впервые определил ансамбль западных и восточных границ между двумя странами.²⁷ Исходя из понимания Тянь-шаньского хребта как “естественной границы” прогрессивно расширяющейся Российской империи, но отдавая себе отчет в том, что большая часть высокогорных хребтов еще не изучена и не зафиксирована топографически, официальные стороны сошлись на весьма расплывчатой формулировке статьи 2:

Граничная черта на западе, доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-дабага, поставленного в 1728 году (Юн-чжэн VI года), по заключению Кяхтинского договора, – на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссык-Куль и называемых Тэнгэри-шань, или Киргизский Алатай, иначе Тяньшаньнаньлу (южные отроги Небесных гор), и по сим горам до Коканских владений.²⁸

Следуя уже устоявшемуся в европейской практике поэтапному процессу демаркации пространств, проведение российско-китайской границы должно было быть произведено специальными комиссарами согласно предварительно подписанному договору. Однако этот документ не оговаривал конкретный момент начала работ. Из-за внутрен-

²⁶ Кульджа – топоним XIX в., широко распространенный в российских военных кругах; согласно китайской административной номенклатуре той же эпохи, он соответствует префектуре (*fu*) Или (Yíning = I-ning / Nong-yüan и Gulja = Ghulja). Все топографические и этнологические термины воспроизведены в статье согласно нормам рассматриваемого периода, так же как и даты (разница между юлианским календарем, используемым в России, и грегорианским календарем нового стиля составляет 12 дней для XIX в.).

²⁷ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Под ред. П. Е. Скачкова, В. С. Мясникова. Москва, 1958. С. 34-40; В. С. Мясников, Н. В. Шепелева. Империя Цин и Россия в XVII – начале XX в. // Китай и соседи в Новое и Новейшее время / Под ред. С. Л. Тихвинского. Москва, 1982. С. 66.

²⁸ Скачков, Мясников. Русско-китайские отношения. С. 35.

них волнений в Западном Китае первая встреча “создателей” границы была отодвинута на 25 сентября 1864 г. В комиссию из пяти человек входили: с российской стороны – генеральный консул России в Кульдже, статский советник и кавалер Иван Захаров и обер-квартирмейстер Отдельного сибирского корпуса, полковник Иван Бабков; с китайской стороны – улясутайский цзянцзюнь Мин, тарбагатайский хэбэй-амбань Си Линь и тарбагатайский бригадный командир Болгосу. Комиссия подписала договор, который более четко определял границу и принципы ее фиксации и предусматривал составление топографической карты местности и проведение на ней красной чертой линии демаркации.²⁹ Принимая, согласно букве договора, все видимые геоморфологические объекты и существующие китайские пограничные пикеты (форпосты) в качестве основных ориентиров делимитации, комиссары условились о проведении границы по существующему в регионе водоразделу “так, чтобы все земли, по которым текут воды на восток и на юг, отмежевать к Китаю, а все земли, по которым текут воды на запад [и на север], отмежевать к России”:³⁰

При постановке граничных знаков наблюдать следующее правило: где граница проходит по большим горам, там принимать вершины гор за граничную черту, а где по большим рекам, там берега рек служат граничной чертою; где же граница проходит поперек гор и рек, там вновь поставить граничные знаки. Вообще же по всей границе при постановке граничных знаков, принимать во внимание направление течения вод и ставить знаки, смотря по местонахождению. Если, например, по хребтам гор нет прохода и, следовательно, трудно было бы там ставить знаки, то принимать за основание граничной черты хребет гор и направление текущих вод.³¹

Сконцентрировав основное внимание на геоморфологических характеристиках новой границы, комиссары значительно легче решили вопрос о приграничном населении, предполагая, что там, где эти

народы жили до сего дня, там по-прежнему должны оставаться и спокойно жить [...] и к какому государству, вместе с землею, отходят и самые люди, и тем государством управляются. И если после сего кто-либо из них с прежнего места жительства перейдет

---

²⁹ Там же. С. 35, 46.

³⁰ Там же. С. 47.

³¹ Там же. С. 48.

в другую сторону, то таковых возвращать назад и тем прекратить замешательство и неопределенность на границе.³²

Несмотря на благие пожелания комиссаров, кочевки продолжались и после подписания этого рабочего документа, а регулярные трансгрессии границ наблюдатели объясняли, ссылаясь на местное население, жаловавшееся на сложности, которые договор создал для сезонных перекочевок и на то, что им «неизвестен рубеж, отделяющий земли русского и китайского владения».³³

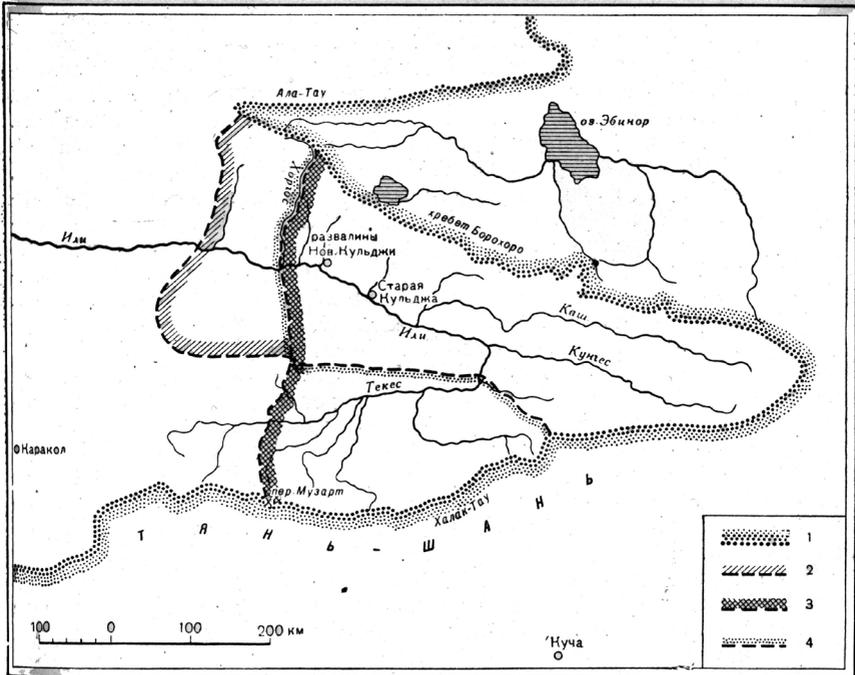

Схема Илийского края

1—граница России и Илийского края, занятого в 1871–1881 гг. царскими войсками; 2—граница до занятия Илийского края царскими войсками; 3—граница по Петербургскому договору 1881 г.; 4—граница по Ливадийскому договору 1879 г. (ЦГВИА, ВУА, 1351)

Источник: А. Л. Нарочинский. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. Москва, 1956. С. 237.

³² Там же.

³³ Венюков. Опыт военного обозрения. Т. 1. С. 33-34; Мясников, Шепелева. Империя Цин и Россия. С. 69 (цитата из работы: И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 гг. Разграничение с Западным Китаем 1869 г. Санкт-Петербург, 1912. С. 360).

Принятые в 1864 г. решения по демаркации остались большей частью на бумаге, за исключением частичной передислокации китайских пограничных пикетов. Один из комиссаров, Иван Бабков, в ту пору уже военный губернатор Семипалатинска, в 1868 г. докладывал начальству, что российско-китайская граница по-прежнему не установлена.³⁴ Вопрос о необходимости скорейшей демаркации затрагивался и в ноте центральных властей России иллийскому губернатору Жун Цзюаню, к этому времени покинувшему охваченную восстанием Кульджу, и на переговорах российского посла в Китае в 1863–1873 гг. Александра Влангали с пекинскими элитами. Однако, несмотря на все протесты российской стороны, дело не сдвигалось с мертвой точки: внимание китайских властей было поглощено серией восстаний, прокатившихся по всему Западному краю.³⁵ Радикально изменила ситуацию лишь временная российская оккупация Кульджи в 1871–1881 гг.

Сопоставляя через призму теории “естественных границ” эти два близких по времени события – работу разграничительной комиссии 1864 года и захват Кульджи в 1871 г., мы вправе задать вопрос: насколько учитывалась эта теория в практической политике и как она проявила себя в качестве мотивации военной аннексии? То, что оккупация Кульджи изначально планировалась как временная, дополнительно заостряет сравнение: временность только способствовала быстрому появлению противоречивых проектов российских элит по расширению юго-восточных границ империи до неких “естественных” географических и этнографических переделов. Представители различных социально-политических кругов в центре и на периферии в один и тот же отрезок времени пытались доказать, прибегая иногда к похожим риторическим приемам, нужность или вредность приобретения Кульджи для российской империи и необходимость или, наоборот, необязательность ее скорейшего возвращения Китаю.

Российская оккупация Кульджи как специфический *case study* российского империализма интересна и с других точек зрения. Во-первых, как достаточно необычный случай в российской истории, когда оккупированные земли были возвращены Китаю.³⁶ Во-вторых, в этом конфликте

³⁴ Бабков. Воспоминания. С. 360, 377-379. Цит. по: Мясников, Шепелева. Империя Цин и Россия. С. 69.

³⁵ Там же. С. 69-70.

³⁶ Помимо проданной Аляски, в качестве параллели можно упомянуть только аннексированные при Петре I в 1722–1723 гг. территории Персии, которые постепенно при Петре II и Анне Иоановне были возвращены иранскому шаху (в 1729–1735 гг.):

основным оппонентом России – “не вполне европейского” государства, согласно логике европейских держав, являлся Китай – “классическая” восточная империя. Это обстоятельство позволяет обогатить анализ колониального ориентализма и империалистического противостояния в Средней Азии нестандартными ракурсами, выводящими научный дискурс из спирали европоцентризма.

3. История изучения “Илийского кризиса” и источники предлагаемой реконструкции

“Илийский кризис” уже достаточно хорошо изучен в силу важности этого эпизода для истории Китая, так как его разрешение путем реституции Кульджы Китаю согласно Санкт-Петербургскому договору 1881 г. расценивается как первая победа китайских дипломатов перед лицом европейских держав. “Илийский кризис” обычно упоминается как эпизод общей истории российско-китайских отношений³⁷ и более географически широкой, но хронологически компактной “Большой игры”, противопоставившей Россию и Англию в Центральной Азии.³⁸

Задачи русской армии. Т. 3. С. 77-78; Guive Mirfendereski. *A Diplomatic History of the Caspian Sea. Treaties, Diaries, and Other Stories*. New York, 2001. Pp. 5-9, 14-15.

³⁷ О русско-китайских отношениях на рубеже XIX–XX вв. см: Edouard Krakowski. *Chine et Russie: l’Orient contre la civilisation occidentale*. Paris, 1957; John K. Fairbank & Kwang-Chinghiy (Eds). *The Cambridge History of China*. Vol. 2. Late Ch’ing, 1800–1911. Part 2. London, New York, 1980.

³⁸ См., напр., российскую точку зрения: А.Е. Снесарев. *Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе*. Санкт-Петербург, 1906; американскую и британскую точку зрения на *Great Game*: David Gillard. *The Struggle for Asia: 1828–1914: A Study in British and Russian Imperialism*. London, 1977; Peter Hopkirk. *The Great Game: on Secret Service in High Asia*, London, 1990; Karl E. Meyer, Shareen Blair Brysac. *Tournament of Shadows: the Great Game and the Race for Empire in Central Asia*. Washington, DC, 1999; советская точка зрения: Н. А. Халфин. *Три русские миссии: из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века*. Ташкент, 1965; Он же. *Британская экспансия в Средней Азии в 1830–1840 гг. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР*. 1958. № 2. С. 103-112; постсоветская точка зрения: А. В. Постников. *Схватка на “Крыше Мира”: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: (монография в документах)*. Москва, 2001; Е. Ю. Сергеев. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. Москва, 2012; А. И. Андреев. *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России*. Санкт-Петербург, 2006. С. 52-75. См. также критику в адрес исследований *Great Game*, уделяющих больше внимания отношениям между великими державами, а не местному населению: Jonathan R. Lee. *The “Ancient Supremacy”: Bukhara, Afghanistan and the Battle for Balkh, 1731–1901*. Leiden, 1996. Pp. XIII-XVI.

Существуют и более детальные реконструкции “Илийского кризиса”,³⁹ не говоря уже об обширной литературе, вышедшей из-под пера современников и нередко прямых участников этих событий.⁴⁰ С различной степенью детализации и с опорой на разные документальные источники

---

³⁹ Louis E. Frechtling. *Anglo-Russian Rivalry in Eastern Turkistan, 1863–1881* // *Royal Central Asian Journal*. 1939. 26 July. Pp. 471-489; V. G. Kiernan. *Kashgar and the Politics of Central Asia, 1868–1878* // *Cambridge Historical Journal*. 1955. Vol. 11. No. 3. Pp. 317-342; Charles & Barbara Jelavich. *Russia in the East 1876–1880: the Russo-Turkish and the Kuldža Crisis as Seen Through the Letters of A. G. Jomini to N. K. Giers*. Leiden, 1959; Аблат Ходжаев. *Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.)*. Москва, 1979; М. П. Гуревич. *История “илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы. Документы опровергают (против фальсификации истории русско-китайских отношений)*. Москва, 1982; К. А. Сутеева. *Политика России в Илийском крае в 1871–1881 гг.* / Автореферат дис. ... кандидата исторических наук, Алма-Ата, 1987; Мясников, Шепелева. *Империя Цин и Россия*; А. Д. Воскресенский. *Генезис “Илийского кризиса” и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г.* // *Cahiers du monde russe*. 1994. Vol. 35. No. 4. Pp. 763-786; А. Д. Воскресенский. *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора*. Москва, 1995; Joseph F. Fletcher. *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia [Variorum collected studies series]*. Aldershot, 1995; S.C.M. Paine. *Imperial Rivals: China, Russia, and their Disputed Frontier*. Armonk, 1996. Pp. 110-173, и особенно в таких важных для нашей проблематики исследованиях, как Immanuel Zhongy Xu (I.C.Y. Hsü). *The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881*. Vol. 1. Oxford, 1965; Д. В. Дубровская. *Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем “новой границы” в конце XIX в.* Москва, 1998; Б. А. Моисеев. *Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917)*. Барнаул, 2003; Hodong Kim. *Holy War in China: the Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877*. Stanford, 2004. Написанная с точки зрения истории окружающей среды, наиболее близка нашему исследованию работа, посвященная реконструкции международной ситуации накануне аннексии: Jin Noda. *Reconsidering the Ili Crisis – The Ili Region under Russian Rule (1871–1881)* // Mitsuko Watanabe and Jumpei Kubota (Eds.). *Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future*. Kyoto, 2010. Pp. 163-197.

⁴⁰ Многочисленные российские публикации современников этого события рассмотрены здесь как свидетельства, а не исследования, как, напр.: А. Н. Куропаткин. *Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля*. Санкт-Петербург, 1879; А. И. Макшеев. *Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских*. Санкт-Петербург, 1890. С. 282-286; [В. В.] Сахаров, [Л. Г.] Корнилов. *Кашгария, или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания*. Ташкент, 1903; Николай Богоявленский. *Западный застенный Китай: его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных*. Санкт-Петербург, 1906; В. С. Кадников. *Из истории кульджинского вопроса* // *Исторический вестник*. 1911. Т. 124. № 2-6. С. 893-909; Бабков. *Воспоминания*.

акцент в них ставился, как правило, на рассмотрение дебатов по поводу возвращения Кульджи Китаю. В то же время подготовка и начальные этапы оккупации до сих пор излагались суммарно, без точных дат и учета мнений отдельных личностей.⁴¹ Россия в таком анализе выступает в качестве самостоятельного одушевленного объекта, который якобы был “вынужден отступить от ‘системы невмешательства’”.⁴² За этой метафорической, но методологически неверной формулой скрывается обобщающий образ имперских властей без учета географической локализованности конкретных деятелей, их места во властной структуре и изменчивости межличностных отношений и позиций за достаточно короткий период.

Предложенная в статье реконструкция мотивации завоевания Кульджи заполняет именно эти лакуны. Основным источником данной реконструкции выступают приказы, записки, раппорта, донесения, журналы пограничных наблюдений, официальные и секретные инструкции для дипломатических, военных и торговых миссий, их отчеты, донесения шпионов и лазутчиков, проекты русского наступления, прогнозы развития торговли, анализ “британской угрозы” и многочисленная корреспонденция российской военной и политической элиты центра и периферии. Вся эта архивная документация сгруппирована в рамках монументальной компиляции, реализованной военным инженером подполковником Андрианом Серебренниковым (1863–1919) в 1901–1915 гг.⁴³ и представляющей начальные этапы российской экспансии в Среднюю Азию. Собранные Серебренниковым разнообразные военные документы освещают десятилетия захвата Средней Азии российской армией начиная с 1839 г., отмеченного неудачным походом Перовского в Хиву, и заканчивая 1876 г., когда было завоевано

⁴¹ Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 767-768.

⁴² Он же. С. 766; Мясников, Шепелева. Империя Цин и Россия. С. 70-71.

⁴³ О сборнике А. Г. Серебренникова см.: Е. Н. Кушева. Об одной дореволюционной публикации документов по истории Средней Азии // Проблемы источниковедения. Сборник 3. Москва, 1940. С. 409-421; Л. Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова и его значение для среднеазиатской историографии: Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук, Ташкент, 1963; Л. Р. Мирзаева. Об одном ценном источнике по истории Средней Азии XIX века // Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Ташкент, 1960. Кн. 1. С. 95-102; С. Горшенина, Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // *Ab Imperio*. 2007. № 3. С. 54-59 (некоторые положения этой статьи воспроизведены здесь по причине их важности для данного сюжета).

Кокандское ханство. Инициатива создания подобной компиляции принадлежит военному министру Алексею Куропаткину, который во время своего визита в Ташкент в 1901 г. высказал пожелание иметь “полное” собрание документов российской военной экспансии. Вскоре последовал приказ туркестанского генерал-губернатора (1901–1904) Николая. Иванова, который поручил начальнику Семиреченской инженерной дистанции в Верном Серебренникову, к тому времени автору ряда военно-исторических и военно-типографических публикаций о Средней Азии,⁴⁴ обследовать архивы России и Средней Азии и собрать “все” материалы, касающиеся завоевания Туркестана.⁴⁵ В основе принятого решения, помимо желания подбодрить дух российской армии на заре XX в. “позитивным” примером предшественников и ретроспективно осмыслить факт колониального захвата Средней Азии, лежало “просвещенное” соображение о сохранении для потомков, в том числе для будущих исследователей, как можно большего количества документов, которые в противном случае могут исчезнуть “в результате хищений, пожаров и небрежного хранения”.⁴⁶

Получив официальную поддержку, Серебренников, вместе с прикомандированными к нему для “сверки документов” офицерами,⁴⁷ в течение четырех лет (1901–1905) интенсивно работал в центральных и периферийных архивах.⁴⁸ Как пишет Людмила Мирзаева, первая исследовательница, детально изучившая это собрание,

[Серебренниковым] были обследованы следующие архивы: в Ташкенте – Туркестанский окружной архив и фонд канцелярии туркестанского генерал-губернатора; в Верном – фонд Управления Верненского уездного начальника и Верненского уездного

⁴⁴ А. Г. Серебренников. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и исторических материалов по Азии. Санкт-Петербург, 1895. Вып. 70. С. 1-52; Он же. Очерк Памира // Военный сборник. 1899. № 6. С. 432-444; № 7. С. 219-236; № 8. С. 442-446; № 9. С. 212-226; № 10. С. 447-466; Он же. К истории Кокандского похода // Военный сборник. [1899?]. № 9. С. 5-28; Он же. Памир и памирские ханства (Военно-географический и топографический очерк) // Инженерный журнал. 1894. № 11-12. С. 1539-1554. Цит. частично по: Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова. С. 8. См. также его биографию (Там же. С. 9-1).

⁴⁵ А. Г. Серебренников. Предисловие // Сборник материалов для истории его завоевания. 1864. Ташкент, 1914. Ч. 2. С. 1.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В частности, поручик Алексеев и штаб-капитан Соболев: Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова. С. 11.

⁴⁸ Серебренников. Предисловие. С. 1.

управления, фонды Штаба войск Семиреченской области; в Оренбурге – фонд Штаба Оренбургского военного округа и Оренбургского отдельного корпуса; в Омске – фонды штаба Сибирского военного округа и Сибирского отдельного корпуса; в Москве – фонд московского отделения Архива Главного штаба. Основная же работа была проделана в Петербурге, где Серебрянников работал в архивах: Министерства иностранных дел, канцеляриях Военного и Морского министерства, Главного инженерного управления, Военно-учетном архиве, общем архиве Главного штаба.⁴⁹

Согласно предисловию, составленному Серебрянниковым для этого собрания, все документы были воспроизведены как точные копии оригиналов.⁵⁰

Всю собранную в 74 книги рукописную и машинописную документацию изначально предполагалось опубликовать в виде 30-томного издания, объединяя по два или иногда по три фолианта в один том. Но по финансовым обстоятельствам вышло только двенадцать томов: 1908–1913 гг. – первые четыре тома под заглавием “Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края” (1839–1843); в 1914 г. – тома с 5-го по 8-й (1844–1852) и с 17-го по 20-й (1864–1865) под названием “Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания”; в 1915 г. – 21–22 тома (1866). Опубликованные тома сопоставимы с другим известным сборником опубликованных архивных документов, выпущенных Михаилом Терентьевым (1837–1909).⁵¹ Они дополняются рядом менее известных сборников, включавших в себя приказы генералитета, отчеты о военных экспедициях, копии документов из административных и политических архивов.⁵²

Несмотря на успех первых томов, издание прекратилось в 1915 г. из-за отсутствия средств. Подготовленные 52 тома – с 14 по 27 и с 34

⁴⁹ Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебрянникова. С. 8-9.

⁵⁰ Серебрянников. Предисловие. С. 2.

⁵¹ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. 1-3. Москва, 1916.

⁵² См., напр.: Приказы генерала М. Д. Скобелева (1876–1882). Санкт-Петербург, 1882; Д. И. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу. Санкт-Петербург, 1868; И. И. Иванин. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1940. Выступление Оренбургского отряда в ноябре 1839 г. Санкт-Петербург, 1873; Н. И. Гродеков. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Санкт-Петербург, 1883–1884; Он же. Хивинский поход 1873 г. Действия кавказских отрядов. Санкт-Петербург, 1888; Ф. И. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и военно-дипломатическом отношении. Дополнительные материалы для истории Хивинского похода 1863 г. (из официальных источников). Санкт-Петербург, 1900.

по 67 (некоторые тома состояли из трех книг) – не увидели свет и в настоящее время хранятся в составе коллекции из 74 рукописных или машинописных фолиантов в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз) под названием “Подготовительные материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в различных архивах полковником Серебренниковым”.⁵³

Отмеченный впервые в библиографии В. Д. Городецкого,⁵⁴ “Сборник...” привлек к себе внимание благодаря публикациям Василия Бартольда, который высоко его ценил и считал важным выпустить все тома, составить указатели и доставить издание в петроградские книгохранилища.⁵⁵ Подобная оценка Бартольда позволяет смягчить критику советских исследователей, утверждавших, что

многие интересные с исторической точки зрения резолюции, пометки и надписи на документах опускались [...], очень часто резолюции воспроизводились без подписи [...], много опечаток, неверные и неточные даты, неправильно написанные собственные имена, [кюпюры в текстах с оговоркой, что] сведения эти не имеют интереса и здесь не приводятся.⁵⁶

Полностью отдавая себе отчет в колониальном характере данного собрания документов,⁵⁷ использование сборника Серебренникова представляется, однако, вполне оправданным в качестве первоисточника. Отводя возможные упреки в том, что в данном исследовании остались неиспользованными документы из центральных московских и санкт-петербургских архивов, отмечу, что именно эти архивы и были детально проработаны командой Серебренникова. Возможно даже, Серебренни-

⁵³ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. 74 дела.

⁵⁴ В. Д. Городецкий. Библиография по Туркестану. Ташкент, 1913. С. 44. Цит. по: Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова.

⁵⁵ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года // В. В. Бартольд. Сочинения. Москва, 1973. Т. 8. С. 338; Он же. О командировке в Туркестан. Август–декабрь 1920 года // Там же. Т. 8. С. 370-371; Он же. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать // Там же. Москва, 1977. Т. 9. С. 558-559; Он же. История изучения Востока в Европе и России // Там же. С. 447-448.

⁵⁶ Кушева. Об одной дореволюционной публикации. С. 413; Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова. С. 11, 17.

⁵⁷ Об особенностях колониальных архивов см.: С. Горшенина. Крупнейшие проекты колониальных архивов; Svetlana Gorshenina. Le Recueil turkestanais de Mežov: l’utopie d’une somme exhaustive des connaissances sur l’Asie centrale // Études Asiatiques (sous la dir. d’Anke von Kügelgen). 2011. Vol. LXV. No. 3. Pp. 625-659.

ков имел доступ к более полной документации, чем та, что находится на хранении в современных архивах, прошедших через советское время. Любое исследование неизбежно опирается на фрагментарную документальную базу, но центральные российские архивы, будучи более доступными для исследователей, особенно после “архивных революций”, последовавших за распадом СССР, на сегодняшний день наиболее хорошо изучены, в то время как доступ к изучению документов периферийных архивов и архивов постсоветских независимых государств (например, Узбекистан) порой затруднен или закрыт для западных исследователей. Так, неопубликованные 44 – 48-й тома компиляции Серебренникова, посвященные истории захвата Кульджы, по сути, были и остаются недоступны для западных исследователей и практически не привлекались ни советскими, ни постсоветскими историками.⁵⁸

Я рассматриваю созданную военными по приказу высшей военной (центральной и колониальной) администрации документальную компиляцию как своеобразный автопортрет российской военной элиты периода захвата Средней Азии, предназначенный для современников и потомков. Такой подход позволяет опустить оценочные суждения о “достоверности” документов. Принимая как аксиому, что знания пограничных командиров страдали фрагментарностью и неточностями в отношении Средней и Центральной Азии⁵⁹ и что участники событий описывали их предвзято, в статье не ставится задача определить степень “правдивости” их изложения. Вместе с тем взгляд российских элит на события и их самооценка при необходимости могут быть легко скорректированы работами предшественников, опирающихся на китайские источники.⁶⁰ Главной

---

⁵⁸ Напр., в хорошо документированном исследовании (1950–1965) Immanuel Zhongy Xu (I. C. Y. Hsü). *The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881*. Vol. 1. Oxford, 1965 автор реконструировал этот эпизод исключительно по опубликованным российским материалам, которые дополняют богатые архивные источники из британского Форин Офиса и сборники опубликованных в Германии и США документов, см.: М. А. Терентьев. *История завоевания Средней Азии*; Eugene Schuyler. *Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja*. London, 1875. Vol. 2.

⁵⁹ О формировании двойственного концепта Средней–Центральной Азии см.: Svetlana Gorshenina. *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie*. Genève, 2014.

⁶⁰ Детальный анализ обсуждения этого вопроса в военно-дипломатических кругах Китая см.: I. Z. Xu. *The Ili Crisis*; Д. В. Дубровская. *Судьба Синьцзяна*. Москва, 1998 (см. здесь, в частности, детальный библиографический анализ исследований о Западном крае, представляющий различные национальные – российские, “западные”, китайские и японские – интерпретации истории этого периода).

же целью данного исследования является изучение “субъективности” как на уровне письменного самовыражения действующих участников событий, так и посредством анализа того композиционного состава документации, который сложился в процессе выборки первоначальных документов для копирования. Таким образом, на первый план выходит не изучение “объективных предпосылок” российской интервенции, а анализ процесса перехода от “политики невмешательства” к активным действиям, основанного на “субъективных” алгоритмах принятия решения о захвате Кульджи (не исключая, однако, и бюрократический механизм его подготовки).

Принимая во внимание основное правило историка не поддаваться обаянию сформированных колониальными деятелями колониальных архивов, эта документация, зафиксировавшая события практически *in situ*, дополнена “Воспоминаниями” военного министра России (1861–1881) Дмитрия Милютина,⁶¹ содержащими важные характеристики событий и людей *a posteriori*, а также официальной перепиской помощника министра иностранных дел и позднее министра Николая Гирса и главного советника департамента Александра Жомини, на которого были возложены официальные переговоры с Китаем по поводу Или.⁶² Также были использованы опубликованные документы Архива внешней политики России.⁶³

Избранный подход – реконструкция изменений в дискурсе по мере подготовки оккупации – и явно персонализированный характер этого большей частью ранее недоступного материала обусловил обильное цитирование источников, которые, раскрывая разнообразные характеры героев, позволяют говорить о существовании четырех ведущих партий в кульджинском кризисе, регулярно апеллирующих к царю Александру II и связанных неравномерными отношениями, определяемыми иерархической структурой власти. У основания этой пирамиды – боевые офицеры приграничных областей, далее – высшая локальная колониальная администрация в лице генерал-губернаторов, высшая военная элита

---

⁶¹ Дмитрий Милютин. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1868 – начало 1873 (книги 18–20). Москва, 2006.

⁶² Ch. & B. Jelavich. *Russia in the East*.

⁶³ Речь идет о дипломатических документах, опубликованных “в официальных и неофициальных изданиях, преимущественно в сборниках и периодических изданиях министерства иностранных дел”, которые в советских сборниках были сверены с подлинниками или копиями документов, хранящихся в Архиве внешней политики России, см.: Сkachков, Мясников. Русско-китайские отношения. С. 5-6.

Военного министерства, и наконец – представители Министерства иностранных дел, включая российского посланника в Китае.

Повторяя вслед за Мишелем Аммером, писавшим по поводу “Воспоминаний” Милютинина, что они “позволяют проникнуть в святую святых власти, туда где бьется сердце правительства”,⁶⁴ можно было бы сказать, что перекрестное прочтение привлеченных здесь источников позволяет реконструировать изнутри неоднозначную систему взаимодействий различных эшелонов военной и светской власти в Туркестане и Санкт-Петербурге, определявших наступательную стратегию империи, и их корреляцию с господствовавшими политическими и философскими теориями, в том числе с теорией “естественных границ”. Учитывая характер используемых российских колониальных архивов, голоса китайский представителей и местного населения в данном исследовании отсутствуют.

II. Как Кульджа стала русской

1. СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ ЗАВОЕВАНИЯ КУЛЬДЖЫ

К 1870 г., когда идея о захвате Кульджи начинает активно муссироваться в политических кругах России, южные рубежи Семиреченской и Семипалатинской областей, относящиеся соответственно к Туркестанскому и Западно-Сибирскому военным округам и генерал-губернаторствам и граничащие с двумя западнокитайскими провинциями Улясутайской и Илийской, представлялись в отчетах пограничных офицеров как наиболее уязвимая часть российских владений в Средней Азии. Согласно раппортам, восстание тайпинов (1850–1864) во внутреннем Китае и дунганская инсургенция в Гансу и Шанси (начало 1860-х) поглотили все средства китайского правительства и привели к фактической утрате Пекином влияния во всем Западном крае, ставшем частью Цинской империи в 1759 г.⁶⁵ Те же источники сообщают, что в хаосе, образовавшемся после прихода к власти в китайском Туркестане в 1865 г. пяти мусульманских правителей, при “полном разложении китайской администрации, бесчинстве военных поселян и разбое ссыльнокаторжных китайцев”, началось административное

⁶⁴ Michel Hammer. D. A. Miljutin et la politique extérieure de la Russie // Cahiers du monde russe et soviétique, 1982. Vol. 23. No. 3-4. P. 333.

⁶⁵ См. реконструкцию исторического контекста: А. Л. Нарочинский. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. Москва, 1956. С. 208-209; I. Z. Xu. The Ili crisis. Pp. 24-29; Дубровская. Судьба Синьцзана.

раздробление региона. В Илийской области, где волнения начались еще в 1864 г., к власти пришли таранчи,⁶⁶ возглавляемые Абиль-оглы (Адиль-оглы). В 1867 г. он провозгласил себя султаном Туранчийского султаната, что было расценено российскими обозревателями как “провокация”.⁶⁷ Север же Восточного Туркестана, соприкасавшийся с восточной частью Монголии, попал в зависимость от дунган,⁶⁸ которые в 1870 г. угрожали занять Ургу.⁶⁹ Столь же негативно было воспринято в России и “калмыкское” движение Чоган-Кеганя, который, отодвинув дунганскую власть к югу, отрезал сибирскую границу России от независимых дунганских владений, поставив, согласно российским сводкам, “между нами и ними полосу анархии и грабацией кочевой монгольской массы”.⁷⁰ Кашгар (бассейн Тарима) и другие западные округа оказались в зависимости от выходца из Пскента (недалеко от Ташкента) Якуб-бека, которого англичане прозвали “Наполеоном Азии”, а русские “новым Тамерланом” за быстрое и успешное продвижение по охваченным дунганским восстанием районам при их собственном попустительстве и бездействии пекинской администрации.⁷¹ В намерения Якуб-бека, судя по русским рапортам, после взятия Кашгара, Турфана и особенно захвата южной стороны перевала Музарат, входил поход на Кульджу; встречи с британскими офицерами Робертом Шоу (*Robert Shaw*) в 1868 г. и Томасом Дугласом Форситом

---

⁶⁶ Таранчи XIX в. соответствуют сегодняшним уйгурам, тюркоговорящим мусульманам.

⁶⁷ Дата прихода Абиль-оглы к власти варьируется между 1866 и 1870 гг.: Schuyler. *Turkestan*. P. 183; Д. А. Милютин. Воспоминания. С. 329; Нарочинский. Колониальная политика. С. 209; S.C.M. Paine. *Imperial Rivals*. P. 121.

⁶⁸ Дунгане XIX в., китайские мусульмане, соответствуют хуэйхуэй / Huí или Donggans.

⁶⁹ Милютин. Воспоминания. С. 331-332.

⁷⁰ Изученные российские документы не дают детальных сведений о Чоган-Кегане, за исключением редких упоминаний о том, что он вел сначала военные действия против дунган за восстановление китайской власти в Тарбагатае, а затем стал проводить более независимую политику: ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 323; Аноним. Монгольский вождь // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Санкт-Петербург, 1873. С. 193-196.

⁷¹ Schuyler. *Turkestan*. P. 316; Куропаткин. Кашгария. С. 3; A. N. Kuropatkin. *Les confins anglo-russes dans l'Asie centrale. Étude historique, géographique, politique et militaire sur la Kachgarie* / Tr. de G. le Marchand. Paris, 1879. Pp. 68-94; Debize, Lt-colonel d'état-major. *Étude sur l'Asie centrale. Angleterre – Russie – Chine* // *Bulletin de la Société de géographie de Lyon*. T. 2. Lyon, 1879. P. 552; I.Z. Xu. *The Ili Crisis*. Pp. 14, 27-29; а также: Куропаткин. Кашгария. С. 127-157.

(*Thomas Douglas Forsyth*) в 1870 г.⁷² гарантировали покровительство Британской империи и независимость от Цинского Китая, усиленные также поддержкой Турции, предоставившей оружие.⁷³

Подобный разворот событий виделся чрезвычайно опасным для России, военно-политические элиты которой уже пытались зафиксировать границы с Китаем за озером Зайсан в ходе договоров в Пекине (1860) и в Тарбагатае / Чугучаге (1864).⁷⁴ Уничтожение российских консульств и факторий в Кульдже и Чугучаге, нападение на русского консула Константина Павлинова в Кульдже, прекращение торговли с Западным Китаем, бесконечные грабежи, *баранта*, практикуемая российско-поданными киргизами⁷⁵ и их “заграничными” соплеменниками, нападения на торговые караваны, наплыв в российские владения “иммигрантов” в ходе бесконечных перекочевков – сильно беспокоили центральную и местную российскую администрацию.⁷⁶ Согласно российским анализам того времени, “все три соседа одинаково для нас неудобны”, тем более что девять российских отрядов, расквартированных с 1864 г. на границах Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а позднее и дополнительные отряды Туркестанского генерал-губернаторства, были не в силах уладить “приграничный хаос”.⁷⁷ Как позднее в своих воспоминаниях писал Иван Бабков, активный участник демаркации западной границы с Китаем (1862–1863) и подписания Чугучагского договора (1864), а во время оккупации Кульджи – начальник штаба Сибирского военного округа (1869–1890),

характерная черта этого восстания ... состояла в совершенном отсутствии у дунганских вождей административно-созидательной силы, так что самая инсурекция постоянно сопровождалась

⁷² Второе путешествие состоялось в 1873–1874 гг.

⁷³ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 4, 6; Д. 44 (II). Л. 423; Д. 45. Л. 232; Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 764-765; I. Z. Xu. The Ili Crisis. P. 30; Нарочинский. Колониальная политика. С. 211; Мясников, Шепелева. Империя Цин и Россия. С. 70.

⁷⁴ Noda. Reconsidering the Ili Crisis. P. 168.

⁷⁵ Подобное двойственное определение подразумевало этнический компонент – киргизы (в настоящее время казахи) и государственный – подданные Российской империи.

⁷⁶ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 321-322; Д. 45. Л. 253. Специальная комиссия была создана в Копале для рассмотрения вопросов, связанных с прибытием иммигрантов из Китая, число которых достигало 16.000 человек: Noda. Reconsidering the Ili Crisis. P. 168.

⁷⁷ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 323; Д. 45. Л. 251.

грабежами, беспорядками, взаимными несогласиями и полной неурядицей....⁷⁸

Вместе с тем сомнения не покидали российских политиков и военных. Между 1865 и 1870 гг. в Санкт-Петербург в поисках поддержки несколько раз обращались как китайская администрация, среди которой не было единства по поводу политики в западных регионах, так и правители новых государств.⁷⁹ В подобной ситуации российские элиты стояли перед дилеммой: по-прежнему придерживаться традиционной для русской дипломатии линии патерналистской поддержки Китая или же встать на сторону независимых правителей с перспективой создания нескольких дружеских государств-сателлитов в качестве буферной зоны со Срединной империей. По мнению канцлера Александра Горчакова, высказанному в письме к Милютину 16 марта 1865 г., любое вмешательство России как в поддержку Китая, так и в поддержку новообразованных государств ограничит свободу действий в будущем (“вооружить дунганей против нас... со временем могло бы оказаться крайне невыгодным при сомнительном исходе, который предстоит нынешнему восстанию”⁸⁰). Потому осторожному канцлеру представлялось наилучшим выходом для официального Петербурга невмешательство и выжидательная позиция.

В основе же российской иерархической пирамиды настроения были диаметрально противоположны: высшая колониальная администрация и офицеры пограничных областей в Семиречье и Семипалатинске без сомнений настаивали на необходимости скорейшего захвата прилегающих китайских территорий.

2. “ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР”: ЗАНЯТИЕ ПЕРЕВАЛА МУЗАРАТ

Чтобы не допустить захвата Якуб-беком Кульджи и нейтрализовать таранчинского султана, первый туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками туркестанского военного округа Константин фон Кауфман (1818–1882), получивший от царя право объявления войны и мира, без особо долгого согласования с вышестоящими инстанциями принимает решение. По просьбе своего подчиненного, военного

⁷⁸ Бабков. Воспоминания. С. 522.

⁷⁹ Милютин. Воспоминания. С. 331-332; Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 764; I. Z. Xu. The Ili Crisis. P. 27; Дубровская. Судьба Синьцзяна. Гл. 2.4; Мясников, Шепелева. Империя Цин и Россия. С. 70.

⁸⁰ Нарочинский. Колониальная политика. С. 210-211.

генерал-губернатора и командующего войсками Семиречья Герасима Колпаковского, он в конце августа 1870 г. направляет Тянь-шаньский пограничный отряд под руководством исполняющего дела Исык-кульского уездного начальника подполковника Чайковского для захвата перевала Музарат. Стратегическое значение Музарата, закрывающего наиболее короткую дорогу между Кашгаром и Кульджой, было сложно переоценить. Он располагался в 250 верстах (приблизительно 267 км)⁸¹ восточнее озера Исык-куль, в районе высокого Или сразу же за русско-китайской границей, утвержденной соглашением Чугучага (1864). Захват этого высокогорного перевала, непригодного для прохода крупных военных соединений, был равнозначен первому военному захвату западных китайских земель.⁸²

Решение Кауфмана не являлось полной неожиданностью: с 1867 г. русские миссии неоднократно проходили по перевалу, соединявшему российские степи и китайский Туркестан, и проводили здесь детальные рекогносцировки.⁸³ Русские аванпосты под командованием капитана Краевского были установлены в мае – ноябре 1868 г. по реке Нарын,⁸⁴ а в районе Исык-куля усилены фронтовые подразделения. Мотивация этого военного броска повторяет слово в слово военные сводки с границ: необходимость “успокоить киргиз по обе стороны границы”, “пресечь путь нашим и таранчинским барантам”, дать урок кульджинскому султану за отказ в “выдаче наших беглых киргиз”,⁸⁵ преградить продвижение Якуб-бека в Кульджу и отбить у него охоту продвигаться далее к Урге, “разобш[ить] Кашгар и Кульджу и созда[ть] препятствие к созданию сильного мусульманского царства, не воюя ни с тем ни с другим”, “восстановить выгодный для России рынок в Западном Китае”.⁸⁶

⁸¹ Одна верста – 1,067 км.

⁸² ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 6, 62-63.

⁸³ В частности, стратегические сведения были собраны экспедициями Полторацкого (1867), Рейнтала (1868 и 1872), капитана Чайковского (1870), барона Каульбарса (1870) и капитана Шепелева (1871): Schuyler. *Turkestan*. Pp. 134-135; Kurapatkin. *Les confins anglo-russes*. P. VII. О русских экспедициях в Кашгаре см., в частности, одну из последних публикаций: Александр Колесников. *Русские в Кашгаре (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия*. Бишкек, 2006.

⁸⁴ Моисеев. *Россия и Китай*. С. 102.

⁸⁵ Российские сводки упустили тот факт, что в 1868 г. Абель-оглы сам отправил письмо на имя генерала Колпаковского с просьбой обменять беглых киргизов и установить мир в регионе с Россией: Schuyler. *Turkestan*. P. 185.

⁸⁶ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 1, 15, 132-133; Д. 44 (II). Л. 328; Милютин. *Воспоминания*. С. 651.

Решение занять Музарат было верным с точки зрения начальника Главного штаба войск Оренбургского округа графа Федора Гейдена (1821–1900), и многократные протесты кульджинского султана, перемежаемые просьбами отозвать русский отряд, оставались без ответа.⁸⁷

Вместе с тем все заинтересованные лица понимали, что оккупация Музарата представляет стратегическое решение, значение которого превосходит все перечисленные выше мотивации. В сложившейся геополитической ситуации взятие Музарата являлось не просто ответом Абиль-огле или даже Якуб-беку, но было напрямую направлено против Англии.

3. “ПАРТИТУРА” АРГУМЕНТОВ ДЛЯ “НЕСКОЛЬКИХ ГОЛОСОВ”: ЗА И ПРОТИВ ВЗЯТИЯ КУЛЬДЖЫ

Не выводя войска из Музарата, русские военно-политическая элиты разных уровней в течение нескольких месяцев – с августа 1870 г. по май 1871 г. – активно обсуждали вопрос о необходимости или преждевременности занятия Кульджи.

А) Точка зрения военной администрации приграничных районов

Наиболее однозначными были предложения офицеров, командовавших приграничными областями. С точки зрения командующего в 1868–1878 гг. войсками Семипалатинской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства генерал-майора Владимира Полторацкого (записка от 7 марта 1871 г.), политика невмешательства, избранная российской дипломатией в отношении восставших областей Западного Китая, была ошибочной.⁸⁸ Во-первых, она позволила образоваться на российских южных границах “сильному и неприязненному нам мусульманскому государству” Якуб-бека, чье соседство становилось все более опасным. Во-вторых, она неизбежно вела к падению престижа русского имени в Азии, так как “народы Азии не знают международного права Европы, они знают только право сильного” и принцип невмешательства однозначно расценивается ими как демонстрация слабости. В-третьих, она ослабила дружеские отношения с Китаем, “вековая дружба” с которым обязывала Россию оказать Пекину военную помощь, дабы спасти “от разорения богатые страны, где своеобразная

⁸⁷ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 1, 65.

⁸⁸ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 45. Л. 249-259. Эта записка является основным из многочисленных донесений Полторацкого с конца 1860-х гг. на имя генерал-губернатора Западной Сибири А. П. Хрущева и в Министерство иностранных дел.

цивилизация стояла на высокой ступени, и сохрани[ть] жизнь не одной сотне тысяч людей”.⁸⁹ С учетом этого и “в могущественных политических и торговых интересах” России Полторацкий предлагал план захвата Западного Китая после оккупации Музарата. Войска Западно-Сибирского военного округа должны были занять Улясутай и Урумчи, в то время как войска Туркестанского военного округа – развернуть действия против Кашгара; Кульджа же в этой ситуации “падет сама по себе”. Результатом этого должно было стать образование нескольких вассальных в отношении России и независимых от Китая владений в Кульдже, Урумчи и т.д.; возможность провести новый торговый путь к Пекину, более прямой и надежный, чем существующий путь от Кяхты. Затем предполагалось на некоторое время оставить в главных городах Монголии и Восточного Туркестана русские гарнизоны, чтобы установилась торговля и спокойствие и, если это будет возможно, отвести потом войска назад. Помимо этого Полторацкий предлагал передвинуть русскую границу в долину Черного Иртыша в сторону Азии. При этом границу желательно не определять четко и однозначно.

Несмотря на детальный характер, этот проект сразу же был подвергнут критике в высших сферах, так как два с половиной месяца до этого, а именно 23 декабря 1870 г., князь Николай Муравьев-Амурский, бывший губернатор Восточной Сибири, писал из Европы Милютину о том, что Россия должна пока довольствоваться Ургой, захваченной казаками в октябре 1870 г. по приказу восточносибирского губернатора Михаила Корсакова.⁹⁰ Оккупация Улясутай может лишь осложнить ситуацию, так как этот город, чрезвычайно удаленный от российских границ, находится в центре дунганских волнений. Вмешательство в эту ситуацию ввергнет Россию в состояние открытой войны с дунганами, что противоречит всем предписаниям официального Санкт-Петербурга.⁹¹

Занимавший ту же ступень иерархической лестницы, что и Полторацкий, генерал Герасим Колпаковский (1819–1896)⁹² – военный гене-

⁸⁹ Там же. Л. 250-251.

⁹⁰ Милютин. Воспоминания. С. 331; Paine. *Imperial Rivals*.

⁹¹ Милютин. Воспоминания. С. 332.

⁹² После службы генерал-губернатором Семипалатинска (1864–1866), Г. А. Колпаковский исполняет функции военного генерал-губернатора и командующего войсками Семиреченской области (1867–1881), затем назначается генерал-губернатором Степного края (1883–1888), см.: Милютин. Воспоминания. С. 684. Schuyler утверждает, что Колпаковский, прямой и не замешанный в коррупции, был одним из лучших колониальных администраторов в Средней Азии, см.: Schuyler. *Turkestan*. Pp. 149-150.

рал-губернатор и командующий войсками Семиреченской области, уже с середины 1860-х гг. начинает показывать себя горячим сторонником идеи скорейшего захвата Кульджи для “установления мира на границе” (идея, открыто высказанная им в начале 1870 г.⁹³). Непосредственный исполнитель операции по взятию Музарата, поддерживаемый русскими консулами в Кульдже и в Чугучаге Павлиновым и Вардугиным, Колпаковский вместе с тем не решался самостоятельно принять решение о дальнейшем продвижении войск, предпочитая дожидаться более конкретных распоряжений Кауфмана.⁹⁴

Думается, именно Кауфман мог принять твердое решение в этой ситуации. Согласно наблюдениям американского дипломата и журналиста Эжена Шуйлера (*Eugène Schuyler*), захват Музарата стал возможен лишь после того, как в 1867 г. часть Семипалатинской области передали из подчинения администрации Западной Сибири в ведение Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства под началом Кауфмана.⁹⁵ По сравнению с его видением приграничной политики позиция Бабкова, представлявшего Семипалатинск, оставалась более умеренной на протяжении всего “илийского кризиса”.⁹⁶

б) Позиция высших эшелонов локальной колониальной администрации

В этой двусмысленной ситуации Кауфман был вынужден вести двойную игру, чтобы его позиция была совместима с международной, национальной и локальной перспективой. С одной стороны, он должен был убедить официальный Санкт-Петербург в необходимости новых захватов, а с другой – показать себя послушным исполнителем указов царя, который с момента прибытия Кауфмана в Туркестан требовал избегать расширения территории империи и ограничиться подчинением среднеазиатских ханств исключительно “нравственному влиянию” России.⁹⁷ Несмотря на то что эти предписания уже неоднократно нарушались Кауфманом (например, при захвате в 1868 г. Самарканда в ходе военных действий против Бухарского эмирата и в 1869 г. – Красноводска, бывшего во владении Хивинского ханства), они все же не потеряли своей юридической силы.

⁹³ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 404.

⁹⁴ Там же. Л. 15.

⁹⁵ Schuyler. *Turkestan*. P. 184.

⁹⁶ Бабков. Воспоминания. С. 531. Цит. по: Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 767.

⁹⁷ Д. А. Милютин. Воспоминания. С. 58.

Избранная Кауфманом позиция была очень тонко продумана: геополитические интересы России были представлены не только в азиатской перспективе, но и с учетом натянутых отношений с Европой в связи с опубликованием циркуляра о необязательности соблюдения Парижского договора (1856)⁹⁸ и с подписанием отдельной конвенции с Турцией. Одиннадцатого сентября 1870 г. Кауфман отправляет своим прямым политическим противникам – канцлеру Александру Горчакову и директору Азиатского департамента МИДа Петру Стремоухову – осторожное письмо, в котором предлагает избрать выжидательную позицию во время переговоров официальных Санкт-Петербурга и Лондона, чтобы лишний раз не провоцировать негативную реакцию Европы.⁹⁹ Стремясь предупредить отрицательную реакцию со стороны МИДа, 1 ноября 1870 г. дипломатическая часть канцелярии туркестанского генерал-губернатора представила раппорт Кауфмана об отношении к Англии, который должен был удовлетворить дипломатов:

Если это приобретение значительно приблизило нас к границе Ост-Индии, – писал Кауфман, – то мы все-таки далеки от мысли довести дело до конца, и потому опасения англичан, по меньшей мере, преждевременны.¹⁰⁰

Вместе с тем Англия продолжала играть роль главного стратегического противника в его размышлениях. Предполагая, что англичане, которые “располагают в Ост-Индии и большим числом войск сравнительно с нашими, и лучшими средствами сообщения с границами”, думают устроить из Афганистана плацдарм, Кауфман писал:

...очевидно, что и мы со своей стороны обязаны принять соответствующие меры: мы должны устроить или приискать себе удобные сообщения, мы должны также иметь свой плацдарм. Соединение Каспия с Аралом железной дорогой и пароходство по Аму-Дарье поставит нас в одинаковое с англичанами, если не в лучшее положение: мы, во всяком случае, ближе к своей метрополии, чем Ост-Индия. Что до выбора нашего плацдарма, то, быть может, нам придется избрать для сего Кашгар [...]. Англичане завязали уже было отношения с Якуб-беком, и нет сомнения, что рано или поздно они воспользовались бы Яркендским путем, если бы мы не предупредили их на этом пункте [...]. Ключ нашего преобладания

⁹⁸ Договор предусматривал освобождение дельты Дуная от русского присутствия и установление нейтрального статуса Черного моря.

⁹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 55, 67.

¹⁰⁰ Там же. Д. 44 (II). Л. 304.

над Англией в Европе есть Кашгар, и на этом пункте мы уже без боя упредили их.¹⁰¹

В этом контексте все более явной становится двойственная риторика, использующая иногда противоречащие друг другу аргументы, как-то: необходимость противостоять Англии, обязательность контактов с Якуб-беком для достижения этой цели, желание реализовать на территории “дружественного” Китая стратегические программы, включая захват китайской префектуры Или.

Задача Кауфмана усложнялась еще и необходимостью заставить официальный Петербург признать неизбежность действий в Кашгаре Якуб-бека, при этом скрывая свои намерения от Пекина. Более того, Пекин на первых этапах не рассматривался как важный субъект политических построений российских элит, все внимание которых было сосредоточено на Англии. В этом смысле Кауфман полностью солидаризировался с Миллютиным, который говорил, что Россию должен интересовать лишь “вопрос о проливах”.¹⁰² Однако туркестанский генерал-губернатор не сомневался, что выиграть эту битву можно только в Азии. Именно поэтому он занял более наступательную позицию. В письме своему подчиненному Колпаковскому от 23 сентября 1870 г. Кауфман писал:

Опыт показывает, что с азиатскими владетелями полумеры, убеждения, договоры достигают цели или тогда, когда они испытали уже силу русского оружия, или в таком случае, если сила наша для них, так сказать, осязательна. Ваше превосходительство уже неоднократно представляло мнение ваше о необходимости взятия Кульджи; я думаю, что, действительно, пока мы не займем этого города или же покажем султану всю его ничтожность, спокойствие на нашей границе не будет упрочено; тем не менее без особой нужды или крайности я полагаю неудобным предпринимать решительные действия против Кульджи. ... На всякий случай, чтобы быть готовыми идти на Кульджу, если необходимость укажет, необходимо заранее сообразить, какие нужны для этого средства или предварительные распоряжения.¹⁰³

В качестве своего рода “теста” для кульжинского султана, Кауфман предложил Колпаковскому отправить против воли султана вверх по Или

¹⁰¹ Там же. Л. 305, 309.

¹⁰² Hammer. D. A. Miljutin. P. 341.

¹⁰³ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 132-133.

российское торговое судно с целью войти в коммерческие отношения с местными жителями и закупить у них продукцию каменноугольных копей.¹⁰⁴ Через несколько дней туркестанская высшая администрация получила через переводчика Бородина, побывавшего в Кульдже, резкую отповедь султана, которая была расценена как еще одно доказательство негативного его отношения к России.¹⁰⁵ Успешная провокация позволила Кауфману более резко обозначить свою позицию в письме военному министру Милютину (от 25 сентября 1870 г.). Кауфман был уверен в своем давнем и близком друге, с которым его объединяли общие взгляды на положение дел в Средней Азии и перспективы российского там пребывания. Он знал, что во всех конфликтных ситуациях, возникающих в Санкт-Петербурге, Милютин практически всегда будет на стороне колониальных администраторов.¹⁰⁶

Еще раз перечислив грехи султана: разбой на границе, воровство, убийства российских подданных киргизов, препоны к хождению русского судна с таранчинским углем по реке Или и запрещение торговли с русскими – и сообщив о своей просьбе Колпаковскому представить соображения о занятии Кульджи, Кауфман делал однозначный вывод:

...выражая почти открытое недоброжелательство, несколько сдерживаемое страхом, письмо [султана] служит доказательством, что под [его] управлением [...] Таранчи не могут быть нам хорошими и безопасными соседями. И на самом деле, если султан осмеливается давать такие отзывы по сношениям с ним военного губернатора [Колпаковского], то спокойствие и отсутствие разбоев и баранты нельзя ожидать на восточной границе Семиречья без значительного развития сил наших пограничных отрядов, на что мы покуда средств не имеем. Остается для пресечения зла в самом корне занять Кульджу и изгнать оттуда беспокойного таранчинского султана, с тем, однако же, чтобы сдать этот город Китайскому правительству.¹⁰⁷

По расчетам Кауфмана, ситуация в Кульдже могла разрешиться довольно просто:

---

¹⁰⁴ Там же. Л. 132-133. Подробнее о проблемах навигации по реки Или см. Noda. *Reconsidering the Ili Crisis*. 2010. P. 167.

¹⁰⁵ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 326.

¹⁰⁶ Гелий Дмитриев. Материалы некоторых фондов личного происхождения по истории Средней Азии второй половины XIX – начала XX в // Научные труды ТашГУ. Ташкент, 1972. Вып. 423. С. 50-75.

¹⁰⁷ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 134-135.

...при первом появлении нашего отряда в Западном Китае, все проживающие в Илийской провинции калмыки, солоны и сибо немедленно перешли бы на нашу сторону и в ожидании прибытия китайских властей охотно бы подчинились нашим распоряжениям.¹⁰⁸

Как и пограничные командиры, Кауфман демонстрировал патриотизм и желание поднять престиж России посредством захвата Кульджи. Он писал о необходимости поставить в “надлежащее положение по отношению к нам Якуб-бека” и “водворить порядок” в Кульдже “для благосостояния всего соседнего с Западным Китаем Семиреченского края”.

Одновременно, не упуская из виду восточную составляющую российской политики, Кауфман, лично посетивший Семиречье в октябре 1867 г. и мае 1870-го, предлагал донести до сведения Пекина, что Кульджа будет тут же возвращена Китаю, как только туда явится официально уполномоченное от китайского правительства лицо. Более того, он говорит о необходимости включить в российскую армию китайских представителей, рекрутированных в регионе, чтобы показать Пекину свою доброжелательность и чистоту намерений.¹⁰⁹ В обмен на эту военную помощь по приведению к порядку взбунтовавшихся народностей Западного Китая Кауфман ожидал получить право свободной торговли для русских во всех районах Западного Китая и даже за Стеной.¹¹⁰ На дипломатическом же уровне туркестанский генерал-губернатор объяснил необходимость вторжения желанием подтолкнуть Китай к более активной политике против мусульманского восстания в своих внутренних провинциях. Эти нюансы отличали дискурс Кауфмана от дискурса пограничных командиров. Занятие Кульджи ставилось им в прямую зависимость от того, предпримут ли китайцы со своей стороны “действительные меры против дунган и таранчей, иначе движение наше

¹⁰⁸ Там же. Д. 44 (II). Л. 403-404.

¹⁰⁹ Прямая параллель этой риторики, объяснявшей захват чужих территорий желанием помочь “восточному соседу”, прослеживается и в официальной речи А. Н. Куропаткина во время его посольского визита к Якуб-беку в 1876 г. в Кашгарии для установления границы между его владениями и Ферганской областью: “Несомненно, что если бы смуты в Кокандском ханстве не были прекращены появлением русских, ваше высочество нашились бы вынужденными продолжать распространение ваших владений к северу до выхода из гор на Ферганскую долину у городов Ош и Узгент” (Куропаткин. Кашгария. С. 9-10).

¹¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 335-337.

вовнутрь Китая и занятие городов, которых нельзя будет немедленно передать в руки Маньчжурского правительства, может поставить нас в весьма затруднительное положение”.¹¹¹

Со временем, однако, Кауфман преодолевает сомнения. Видя практическое отсутствие маньчжурских властей в Западном Китае и понимая, что “при таком положении дел рассчитывать на совместные с нами действия китайцев для водворения порядка в местах, опустошенных восстанием, положительно невозможно, по крайней мере в ближайшем будущем”, он делает вывод, что китайцы “надолго, если не навсегда, отказались от надежды снова обладать” западными областями, а потому “водворение порядка” ложится исключительно на плечи русской армии.

Эти размышления страдали, однако, непониманием одной важной детали, приведшей впоследствии к “Илийскому кризису”: в своем незнании страны генерал недооценил силу китайской традиции связывать западные регионы (*Hsi-yü*) со своей собственной историей начиная не с 1759 г., а со II в. до н.э., а также тот факт, что официальный Пекин, даже ослабевший, мечтал исключительно о “Великом объединении”.¹¹² Именно в этот момент в рассуждениях Кауфмана появляется теория “естественных границ”. Согласно его точке зрения, обширное плоское пространство, без всяких препятствий простирающиеся от Семиречья до Кульджы, способствует поддержанию на российских границах беспорядка, чрезвычайно опасного для России и угрожающего стать неподконтрольным в случае захвата Якуб-беком власти в султанате таранчей.¹¹³

Несмотря на все эти риторические уловки, Милютин (согласно его резолюции от 13 ноября) считал, что МИД решительно “воспротивится предложению о занятии Кульджы”, и не только из-за ущемления интересов Китая.¹¹⁴ Доверяя Кауфману, он, тем не менее, весьма смутно представлял дальнейшую политику России в отношении Или:

---

¹¹¹ Там же. Л. 404.

¹¹² О символической значимости Синьцзяня для Китая см.: I. Z. Xu. *The Ili Crisis*. Pp. 4-7, 9; S.C.M. Paine. *Imperial Rivals*. Pp. 112-114; Дубровская. Судьба Синьцзяна. Гл. 1.

¹¹³ Моисеев. Россия и Китай. С. 105-106. Еще один нюанс в аргументации Кауфмана заслуживает особого внимания: охрана российской границы стоит чрезвычайно дорого, захват чужой территории представляется более экономным предприятием, но делается он не столько в интересах России, сколько в интересах Китая.

¹¹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 136.

Кауфман предлагает занять эти города [Кульджу и Чугучаг] для того, чтобы передать их китайцам, а между тем сам де признает, что китайское правительство так слабо, что не в состоянии держаться в этой отдаленной окраине.¹¹⁵

в) Размышления высших политических элит Санкт-Петербурга

Со своими соображениями Кауфман ознакомил не только военного министра Милютина, но и в виде многочисленных, мало отличающихся в деталях раппортов передал их государственному канцлеру Алексею Горчакову, в дирекцию Азиатского департамента МИДа Петру Стреломуху и, наконец, царю Александру II. Несмотря на дипломатический талант Кауфмана, его предложения не получили решительной поддержки в среде высших политических элит России. Раппорты боевых офицеров, еще более прямолинейные, как правило, не доходили до высших канцелярий империи, но даже если бы они и были прочитаны главами петербургских министерств, они не повлияли бы на принятые решения.

Раппорты Кауфмана, взятие Якуб-беком южного склона Музарата и северного его подъема российской армией поколебали позицию невмешательства Санкт-Петербурга, подтолкнув в октябре 1870 г. к созданию специального комитета для разработки “детальной программы” в отношении “всех азиатских стран, от Каспия до границ Монголии и Маньчжурии”, и определения окончательных лимитов российского продвижения на юго-восток.¹¹⁶ Осенью 1870 г. Милютин созвал специальное Особое совещание представителей министерств иностранных дел и военного, чтобы определить линию поведения России на Востоке в ближайшем будущем. Обсуждение велось в фарватере уже давно идущих дискуссий и с учетом результатов разведывательной экспедиции капитана Александра Каульбарса в ноябре 1870 г. Результатом стали следующие сценарии:

- оказать финансовую помощь Пекину, чтобы он мог восстановить свою власть в охваченных волнениями регионах, и таким образом сохранить “сильного и долговечного соседа”;
- наладить отношения с руководством восставших с целью создания небольших мусульманских государств-протекторатов

¹¹⁵ Цит. по: Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 766 (со ссылкой на кандидатскую диссертацию Д. В. Дубровской. Борьба в правящих кругах Цинской империи по вопросу о политике в Синьцзяне (60–70-е гг. XIX в.). Москва, 1988. С. 144).

¹¹⁶ Моисеев. Россия и Китай. С. 109.

России, способных в случае конфликта с Китаем стать “естественными” сторонниками России.

Несмотря на то что идеи Полторацкого приобретали в контексте второго предложения большую актуальность, предпочтение было отдано первому сценарию. Опираясь на свой длительный опыт работы на Востоке, барон Федор фон дер Остен-Сакен (*Fëdor R. von der Osten Sacken*), заместитель директора Азиатского департамента МИДа и действительный государственный советник, предлагал не менять традиционную линию российской политики в отношении Китая. Настоящую ситуацию он рассматривал всего лишь как эпизод в долгой истории Китайской империи и предрекал, что рано или поздно дунганские волнения и прочие беспорядки в регионе будут подавлены официальным Пекином, а его власть будет восстановлена в Синьцзяне. Принятое и утвержденное царем решение, которое было передано Кауфману, предписывало не спешить, подождать, пока Пекин восстановит свою власть в западных регионах, и избегать любых конфликтов в приграничной российско-китайской полосе, и в частности захвата Кульджы.

Этому решению несколько противоречили мнения других сановников, в частности Милютина, который замечал, что Россия не сможет долгое время сохранять пассивную роль нейтрального наблюдателя по причине того, что беспорядки перекидываются на “наши собственные границы”.¹¹⁷ Его сомнения разделял и князь Федор Гейден, с 1866 г. возглавлявший Главный штаб Военного министерства: с его точки зрения, нельзя было предоставлять Якуб-беку возможность свободно создавать независимое государство в непосредственной близости к России, а стоило бы прислушаться к наблюдениям Полторацкого и поддержать захват Музарата Чайковским.¹¹⁸

Другую крайность представлял директор Азиатского департамента МИДа Стремоухов, который в письме от 17 ноября 1870 г. писал, что МИД “при всем своем желании сохранить полное единомыслие с Кауфманом, не может себе позволить этого”, так как занятие Кульджы и части Илийской провинции находится “в совершенном несогласии с принятым правительством образом действия как по отношению к дунганскому восстанию вообще, так и в частности по отношению к землям принадлежащим Китаю, а в настоящее время образовавшим

¹¹⁷ Милютин. Воспоминания. С. 331.

¹¹⁸ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (I). Л. 1, 65; Нарочинский. Колониальная политика. С. 212; Моисеев. Россия и Китай. С. 106.

отчасти независимые владения”. При этом до сведения Кауфмана доводилось, что все пограничные вопросы будут выведены из компетенции местной администрации и переданы специальному комитету. Не забыл Стремоухов также упомянуть, что в Туркестане наиболее важной задачей является установление российской гражданственности, а не дальнейшее расширение границ, даже если боевые операции с этой целью впечатляют своей виртуозностью.¹¹⁹

В особой записке МИДа, составленной государственным канцлером Горчаковым для передачи царю в тот же день, 17 ноября 1870 г., и отправленной копией Кауфману, указывалось, что МИД согласен с начальной идеей Кауфмана не вводить войска в Кульджу без активной поддержки китайского правительства.¹²⁰ Констатируя отсутствие представителей маньчжурской власти в Западном Китае, Горчаков предлагал вообще отказаться от идеи вторжения:

...если бы правительство наше решилось овладеть Кульджой и частью Илийской провинции, то при этом никак не следовало бы рассчитывать на кратковременное занятие китайской территории в надежде, что маньчжурское правительство успеет между тем собрать свои силы и принять от нас отложившийся край. Напротив, всего вероятнее, что нам пришлось бы остаться в Западном Китае очень долго, если не навсегда.¹²¹

Последнее никак не входило в расчеты МИДа. Более того, встав на позицию вычисления геополитических пределов государства согласно естественно-географическому детерминизму и теории “естественных границ”, Горчаков в своих построениях пришел к выводу, что взятие Кульджи неизбежно повлечет за собой захват всего Западного Китая, включая Чугучагский округ и бассейн Черного Иртыша:

Здесь не место входить в рассмотрение вопроса о том, насколько в Туркестанском крае или в Западной Сибири достаточно войска, чтобы осуществить подобное предположение, – писал Горчаков, – но если бы даже это оказалось возможным, то спрашивается, чем были бы мы вознаграждены за значительные пожертвования, с которыми было бы сопряжено занятие военной силою Западного Китая? Можно ли надеяться, что мы восстановили бы этим прежнюю нашу цветущую торговлю с городами Кульджой

¹¹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 401.

¹²⁰ Там же. Л. 404.

¹²¹ Там же. Л. 405-406.

и Чугучагом? Едва ли, потому что торговля эта главным образом была транзитная, чай привозился из провинций собственного Китая, а прямое сообщение с этими местностями все-таки остается отрезанным от нас вследствие дунганского восстания.¹²²

Резюмируя позицию дипломатической элиты, Горчаков сформулировал однозначно негативную позицию по отношению к проекту Кауфмана:

...занятие всего или части Западного Китая было бы предпринято в той надежде, что мы через это приобретем более прочные границы и более спокойных соседей, с которыми было бы возможно завязать правильные пограничные и торговые сношения. Между тем, на самом деле, последствия перенесения нашей границы далее на восток будут прямо противоположны этому результату. Мы приблизимся к центру мусульманского восстания и должны будем там вооруженною рукою охранять наши земли, или же, задавшись мыслью повсеместного истребления мусульманского восстания, мы были бы вовлечены в дальнейшие завоевания, предел которым в настоящее время трудно определить, так как, по имеющимся сведениям, китайских властей не существует во всей полосе начиная от Урумчи до западных провинций собственного Китая. Очевидно, что в обоих случаях наше положение будет несравненно труднее, чем в настоящее время, и если теперь уже наши пограничные власти не всегда успевают справляться с беспрерывными передвижениями кочевых племен, то чрезмерное расширение наших пределов со странами, которые уже шесть лет находятся в состоянии полного безначалия, может иметь невыгодные для нас последствия.¹²³

По прочтении этого текста становится ясно, что теория “естественных границ” не была ведущей в политических размышлениях Горчакова и, более того, непоследовательные апелляции к ней приводили дипломата к диаметрально противоположным выводам по сравнению с более традиционными схемами рассуждения того времени.¹²⁴

Отталкиваясь от того же факта, что никакие естественно-географические преграды не отделяют русское Семиречье от китайского Или и долины Иртыша, Горчаков, тем не менее, не проецировал юго-восточные пределы империи в зависимости от видимой структуры гео-

¹²² Там же. Л. 406.

¹²³ Там же. Л. 407.

¹²⁴ Gorshenina. *Asie centrale*. Pp. 45-94, 133-182.

морфологического ландшафта или от этнического или религиозного характера населения. Согласно его точке зрения, российские границы определялись исключительно политической ситуацией.

4. Подготовка захвата Кульджи

Подобная негативная позиция МИДа не обескуражила Кауфмана, который методично ставил практически одну и ту же резолюцию на всех циркулярных письмах из Санкт-Петербурга: “...я думаю, что это недоразумение и что взгляды на дело МИДа не могут противоречить моим. Необходимо разъяснить, что дает повод к непониманию моего взгляда на дело”.¹²⁵ В основе этого взгляда лежала идея о том, что выступление российской армии может быть начато только тогда, когда китайское правительство со своей стороны выступит против инсургентов, или же чтобы предотвратить захват Кульджи Якуб-беком.¹²⁶

Одновременно в феврале-марте 1871 г. из-под пера Кауфмана выходит новая серия рапортов, предназначенных высшим представителям дипломатической и военной элит, в которых он пытается более доходчиво объяснить свою позицию. Прежде всего он стремится освободиться от ярлыка “безудержного вояки”, с которым было связано его имя. Так, 20 февраля 1871 г. в очередном письме Милютину он признается, что “наши дела здесь – совершенная дрянь”, и связывает возможное начало военных действий не с собственным “лишним задором”, а с реальным отсутствием других выходов из создавшейся ситуации, кроме как “дать урок” неучтивому султану Кульджи.¹²⁷ В следующем письме от 7 марта 1872 г. он говорит, что был бы рад вести переговоры с Кульджей и Кашгаром без применения силы и это было бы истинной победой, но пока, к сожалению, любой успех русских в Средней Азии оплачен кровью.¹²⁸ После такой преамбулы и повторения старых аргументов Кауфман подчеркивает, что в обмен на военную помощь Китаю российские политики могут потребовать льготных условий торговли не только в Западном, но и в Среднем Китае.

Постепенно письма Кауфмана возымели действие. Возможно, свою роль в этом сыграла и поддержка его понимания ситуации популярнейшим в то время путешественником Николаем Пржевальским, который в январе 1871 г. направил из Китая в Военно-ученый комитет при

¹²⁵ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 44 (II). Л. 401.

¹²⁶ Там же. Л. 408.

¹²⁷ Милютин. Воспоминания. С. 433-434.

¹²⁸ Там же. С. 543.

Главном штабе свои соображения о том, что наступила пора перейти к более решительным действиям в приграничных с Китаем районах.¹²⁹

Двадцать девятого января 1971 г. состоялось Особое совещание МИДа по монгольским делам, итоговые документы которого были подписаны царем 21 февраля 1871 г. и в марте разосланы Горчаковым по всем инстанциям – от военного министра до посланника России в Китае Влангали, а также заинтересованным генерал-губернаторам.¹³⁰ В этих документах впервые появилось сослагательное наклонение в отношении проектов Кауфмана. “Принятие некоторых мер к ограждению нашего консульства в Урге” и торговой дороги в Китай, предпринятых генерал-губернатором Восточной Сибири, согласно Горчакову, “было признано неизбежным в настоящее время”, несмотря на негативную реакцию Пекина, для которого “движение наших отрядов по Монголии [есть не что иное, как] осуществление наших давних [завоевательных] замыслов”. Более того, канцлер осторожно предположил, что “всякое военное движение на нашей монгольской границе может в значительной степени содействовать успеху тех мероприятий, которые, может быть, в течение нынешнего лета окажутся необходимыми на западной китайской границе в случае, если предполагаемое соглашение с маньчжурским правительством осуществится”.¹³¹ Повторив сентенцию Кауфмана, что “общее состояние безначалия и взаимных междоусобиц в подвластных Китаю владениях вредно отзывается на восточной окраине Туркестанского генерал-губернаторства”, Горчаков писал о возможности принятия “более решительных действий на западной китайской границе”, успех которых, однако, возможен “только в том случае, если можно будет ожидать одновременных и соответствующих мер со стороны маньчжурского правительства”. С этой целью российский посланник в Китае Александр Влангали должен был “откровенно объясниться с Пекином” и предложить в качестве первой, “назидательной” в отношении восставших местностей, акции

¹²⁹ Моисеев. *Россия и Китай*. С. 111-112. Военно-ученый комитет просуществовал с 1867 г. по 1900 г., см.: О. А. Гоков. Особенности военной разведки России на мусульманском Востоке (1856–1890-е гг.) // *Canadian–American Slavic Studies*. 2011. Vol. 45. No 1. Pp. 52-53.

¹³⁰ Высочайше утвержденная инструкция посланнику в Китае Влангали от 6 марта 1871 г. // ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 45. Л. 239-240; Письмо государственного канцлера Горчакова военному министру от 11 марта 1871 г. // Там же. Л. 285; Письмо государственного канцлера Горчакова Кауфману от 11 марта 1871 // Там же. Л. 287-289.

¹³¹ Там же. Л. 285.

проведение границы на местности к югу от Тарбагатайского хребта, что должно помочь Китаю вернуть себе отпавшую Джунгарию и восстановить свою власть в Кульдже. В то же время не исключалась и возможность переговоров с новыми независимыми государствами. Помимо того, новая стратегия допускала временный захват Монголии с целью защиты российской торговли. Последние фразы посланий Горчакова практически полностью воспроизводили мысль пограничных офицеров: “достаточно незначительной русской военной силы, чтобы держать в страхе неустроенные азиатские скопища”.¹³²

В этом общем хоре диссонансом по-прежнему звучал голос русского посланника в Пекине Влангали, который в письме к Горчакову от 4 апреля 1871 г. высказывал опасения, что создание независимого владения Кульджа или отдельного дунганского владения Урумчи может только усложнить положение России в этой части Средней Азии и расстроить отношения с Китаем. С его точки зрения, встав на путь поощрения независимых государств, “мы будем невольно увлечены, с одной стороны, раздробл[ением] государства, соседство которого в течение двух веков не нарушало существовавший мир с нами, с другой же, мы войдем в такой лабиринт, из которого выхода нам уже не будет”.¹³³ При этом никакой выгоды для России Влангали не предвидел, ибо “все земли, не исключая Урумчи, Или и проч., мало населены, заключают много степных пространств, бедны и малопроизводительны [...]. Разница между этими странами и Индией, как земли от неба”. Торговля здесь незначительная и могла бы развиваться только при китайцах. С точки зрения Влангали, было бы лучше поддержать Китай, чтобы он сам разбирался с проблемами этих среднеазиатских государств, тем более что Пекин всегда ищет русскую помощь как материальную, так и в большей степени – нравственную.¹³⁴

Однако это осторожное мнение уже не могло помешать офицерам пограничных областей и администраторам на местах разрабатывать детальные наступательные планы. Полторацкий по-прежнему предлагал организовать выступление по нескольким направлениям: со стороны Туркестана – против Кашгара, из Восточной Сибири к югу и юго-востоку от Урги и из Западной Сибири – на Улясутай и Урумчи. Идти дальше он не видел смысла, так как эти области очерчивают

---

¹³² Там же. Л. 285.

¹³³ Там же. Л. 361.

¹³⁴ Там же. Л. 362-363.

предел, “где же мы остановимся”.¹³⁵ “Китайская составляющая” также не была забыта: “...в Монголии нельзя действовать [не] иначе, как в качестве защитников и союзников пекинского правительства”. Однако, сначала завоевав отложившиеся в ходе волнений территории, а потом передав их Пекину, Россия сможет требовать возмещения издержек, выгодного для себя исправления границ и подписания льготного торгового трактата. На худой конец,

если же манджуры не найдут возможным под нашею защитой восстановить свою власть в Монголии или замедлят присылкою своих чиновников, то и тогда нам нет надобности брать на себя управление Монголией, мы имеем полную возможность оставить в ней и исконное управление [...], на нас будет лежать только поддержание порядка, так сказать верховная полиция страны.¹³⁶

Эти размышления были очень доброжелательно встречены теоретиком русской военной стратегии Михаилом Венюковым, который, однако, в своих работах продолжал настаивать на том, что продвижения России в Азию было “несчастливым роком”. Согласно Венюкову, русские являлись скорее жертвами сложившейся ситуации, так как, отзывая свои силы от западных территорий вглубь страны, китайское правительство подталкивало военные и политические элиты России двигаться в том же направлении в поисках мира, заполняя опустевшие территории с целью восстановить утраченное китайское соседство или же укрепиться где-либо в бескрайней степи Джунгарии и восточного Туркестана, наводненной “варварскими народами”.¹³⁷

Тем временем диалог Кауфмана со своими подчиненными стал еще более прямолинейным. Повторив в письме Колпаковскому от 27 февраля 1871 г., что царь и МИД не согласны с захватом Кульджы, Кауфман писал:

Полагаю, однако, что в крайности, т.е. когда таранчинские войска в действительности предпримут военные действия против наших отрядов, расположенных на границе, то войска наши могут и должны, не ограничиваясь пассивной обороной, перейти в наступление.¹³⁸

¹³⁵ Там же. Д. 45. Л. 398.

¹³⁶ Там же. Л. 400-401.

¹³⁷ Михаил Венюков. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Т. 1. Санкт-Петербург, 1873. С. 15.

¹³⁸ ЦГА РУз .Ф. И-715. Оп. 1. Д. 45. Л. 230-231.

Кауфман оставил на личное усмотрение Колпаковского решение об усилении пограничных отрядов. Более того, в ответ на его просьбу выслать из Ташкента дополнительный отряд к озеру Сайрам, Кауфман предоставил подкрепление уже весной 1871 г., не спрашивая согласия вышестоящих инстанций.¹³⁹ Он видел, что патриотизм вперемежку с патернализмом набирает силу на всех уровнях. Так, кульджинский консул Павлинов писал в мае 1871 г., что выжидательная позиция, занятая Россией, вредна не только в финансовом смысле, но и в политическом:

...великая держава должна быть великою в умах окаймляющих ее народов, тем более азиатских, которые еще чужды понятий, выработанных европейским умом относительно нравственного величия государства. Само китайское правительство остается в недоумении, отчего Россия не сохраняет своих интересов в китайских пограничных владениях.¹⁴⁰

Прямым эхом этой позиции, все более отчетливо звучавшей в петербургских коридорах власти, стало утвержденное царем решение Особого совещания Азиатской части Главного штаба по вопросу о мусульманском восстании в Монголии и Западном Китае от 20 апреля 1871 г.,¹⁴¹ которое предусматривало следующее.

1. Предложить российскому посланнику в Китае Влангали уведомить Пекин о намерении России прибегнуть к вооруженному движению в центр дунганского района Или, так как “безначалье плохо отражается на наших среднеазиатских владениях”, подчеркнув при этом, что единственной целью этой акции является желание “оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях империи” и что по восстановлению спокойствия русские войска будут выведены обратно; присутствие в российских войсках китайских

---

¹³⁹ Там же. Д. 46. Л. 35.

¹⁴⁰ Там же. Л. 4-9.

¹⁴¹ Особое совещание проходило с участием военного министра Милютина, начальника главного штаба, генерал-адъютанта графа Гейдена, вице-директора Азиатского департамента МИДа действительного статского советника барона фон дер Остен-Сакена, военного губернатора Семипалатинской области и командующего в ней войсками генерал-майора Полторацкого, правителя канцелярии Кауфмана генерал-майора Гомзина, генерального консула в Японии и бывшего поверенного в делах в Пекине Бютцова, кульджинского консула Павлинова и действующих на китайской границе полковников генерального штаба Тыволовича, Гельмерсена, Щетинина и Приятца (Там же. Д. 45. Л. 404).

чиновников, пусть даже из эмигрантов, должно убедить Пекин в искренности намерений.¹⁴²

2. Осуществить военное занятие двух городов Кульджи и Урумчи двумя отрядами от Зайсанского приставства Западной Сибири и из Семиречья Туркестанского генерал-губернаторства.
3. Начало операции запланировать на осень, но в ожидании ответа от Влангали (не ранее, чем через два месяца) немедленно начать подготовку.¹⁴³

Последовавший 16 июня 1871 г. ответ Влангали на имя государственного канцлера уже не выделялся из общей “наступательной” линии. Российский посланник в Пекине сообщал, что “китайские министры примирились с мыслью о выступлении нашего отряда в Ургу в случае движения против этого города инсургентов, но просили, чтобы выступление отряда состоялось лишь по соглашению консула нашего с ургинским правителем”, дабы “не увеличивать напрасно число войск в Урге” и не спровоцировать международный скандал; “совместные действия с нашими войсками они согласятся принять лишь в крайности, опасаясь, чтобы не вышли какие-либо споры, могущие совершенно уронить их престиж и поссорить нас с ними”.¹⁴⁴

5. Планы Кауфмана и их несанкционированная реализация

А) СТРАТЕГИИ КАУФМАНА ПО ОККУПАЦИИ КУЛЬДЖЫ

Пользуясь изменением тона центрального начальства, Кауфман без промедления представляет план завоевания Западного Туркестана. Ему думалось, как то следует из его письма к Милютину от 17 июня 1871 г., что наиболее логично было бы осуществить операцию из двух точек:

---

¹⁴² Н. Ф. Бабков, расценивавший Китай в качестве традиционного “миролюбивого соседа” и критично относившийся к завоеванию китайских территорий, писал позднее по этому поводу: “...нашему посланнику в Пекине было поручено заявить министрам богдыхана, что одновременно с движением наших войск за границу при них были бы назначены китайские сановники с военными отрядами с той целью, чтобы, по занятии какого-либо пункта, они могли ввести там свое управление. При этом условии и при восстановлении спокойствия в Илийском крае было заявлено с нашей стороны китайскому правительству, что наши войска будут выведены обратно”: Бабков. Воспоминания. С. 524-525. Цит. по: Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 767.

¹⁴³ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 45. Л. 406-408, 411. Текст резолюции повторен в Докладе военного министра Милютину от 3 мая 1871 г.: Там же. Д. 46. Л. 11-16.

¹⁴⁴ Там же. Л. 128, 131.

Военное движение из Семипалатинской области к Хобдо и далее к Улясутаю легко исполнимо и тем более естественно, что северные границы Улясутайской провинции также граничат с Западной Сибирью и отряд, двигаясь на восток, не будет очень удаляться от русских границ, ибо движение его будет почти параллельно их направлению. Цель этого движения [которое должно пройти через Барлыкский хребет] определяется занятием Хобдо и Улясутая. Точно так же военное движение семиречинских отрядов должно естественно направляться на Южную полосу: сначала в долину верхнего Или и далее по историческому пути на Талкинский перевал и по северному склону Небесного хребта в Урумчи.¹⁴⁵

Изложенный план предполагал два этапа: в 1871 г. планировалось захватить Хобдо и Кульджу, чтобы на следующий год по весне одновременно двинуться из Хобдо на Улясутай и из Кульджи на Урумчи. “Подождать до весны полезно и потому, что наш посланник лучше узнает настроения Пекина”, – Кауфман и тут не забыл сделать дипломатический реверанс.¹⁴⁶

Противник, с которым русской армии предстояло встретиться на этом пути, отличался разнообразием. В бывшей провинции Улясутай проживали кочевые племена, “некоторые из которых, как кизил-аяки, всегда были нам враждебны, другие, как калмыки, составляли прежде китайскую легкую кавалерию”. В средней полосе, населенной кочующими киргизами, которые “никому не подчиненные и занимающиеся барантою в наших пределах”, сопротивление предвиделось незначительным. На юге ситуация могла быть более опасной, так как подданные таранчинского государства и дунгане, недавно подчиненные власти Якуб-бека, составляли более профессиональную армию.¹⁴⁷ Залогом успеха военной кампании в этой плохо изученной и сложной местности, которая неизбежно подразумевала столкновение с Якуб-беком, засевшим в Урумчи, было, по мнению Кауфмана, сосредоточение всей полноты власти в его руках, ибо

[успеха] конечно невозможно достигнуть, если начальник Урумчинского отряда будет принадлежать к составу западносибирских войск, к тому же мало или вовсе не знакомых с современным положением дел в Алтышаре.... Если даже допустить, что Якуб-бек без боя уступит нам Урумчи и все обширные свои завоевания

¹⁴⁵ Там же. Л. 150-151.

¹⁴⁶ Там же. Л. 159.

¹⁴⁷ Там же. Д. 46. Л. 152.

по северному склону Тяньшаня, то и в таком случае как охранительные против него меры, так и политические с ним отношения должны непременно исходить от одного лица. Очевидно поэтому, что сосредоточение главного управления как военных действий, так и политических сношений в руках туркестанского генерал-губернатора – необходимо. [...] Разногласие в оттенках нашей политики по отношению к нашим недоброжелательным соседям несомненно повредит делу.¹⁴⁸

При этом Кауфман оставил своему подчиненному Колпаковскому практически неограниченную свободу действия. “Наказав” кульджинского султана, Колпаковский мог “вернуться с войсками в русские пределы”, чтобы, заняв исходные пограничные позиции, осенью вновь начать движение на Кульджу уже совместно с отрядом войск Западно-Сибирского округа. Либо, в случае непредвиденных обстоятельств, он мог остаться в Кульдже “во избежание необходимости брать ее осенью вторично, что по всей вероятности будет сопряжено с гораздо большими потерями, чем теперь, когда султан менее подготовлен к обороне. Считая вообще крайне неудобным стеснять генерал-лейтенанта Колпаковского в подробностях исполнения, – продолжал Кауфман в письме к Милютину от 29 мая 1871 г., – я ограничился общими указаниями ему плана и образа действий, полагаясь в остальном на его многолетнюю боевую опытность и присущее ему благоразумие”.¹⁴⁹ Однако из плана, изложенного Кауфманом Милютину 17 июня 1871 г., однозначно следовало, что он бы предпочел расквартировать русскую армию на занятых территориях, чтобы официально поддержать вновь учрежденное маньчжурское правительство и, самое главное, избежать рискованного возвращения к русским границам зимой по разоренной территории с голодными и утомленными людьми.¹⁵⁰

в) Молниеносный захват Кульджи Колпаковским

Вместе с тем, следуя своему чутью политического деятеля, Кауфман не ограничился изложением общего плана нападения под собственным единоличным руководством. С целью упредить возможные противоречивые реакции за несколько дней до отправления последнего письма Милютину он приказал начать немедленное наступление на Кульджу.¹⁵¹

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. Л. 69.

¹⁵⁰ Там же. Л. 158.

¹⁵¹ Там же. Л. 208, 304.

Непосредственным предлогом явилось обострение военных стычек с таранчами на восточной семиреченской границе 6–7 мая 1871 г., откочевка более чем сотни юрт русских киргизов на территорию Кульджи, “наглое требование” кульджинского султана вывести русский отряд из Музарата, его очередной запрет на ведение русской торговли в верховьях Или и отказ в выдаче беглых киргизов “разбойников”. Последней каплей стали столкновения на российской приграничной территории. Со своей стороны, подозревая, что Якуб-бек может оказать помощь восставшим, Колпаковский просил Кауфмана о срочной помощи без разрешения из Санкт-Петербурга, планировавшего начало операции на осень. Санкция Кауфмана не заставило себя долго ждать. “Потеряв надежду на вразумление этого ограниченного и слабого правителя”, – писал в рапорте Кауфман,

я решился действовать на нашей границе так, будто бы султанской власти и не существовало, [ибо] такое положение далее терпимо быть не могло. Это жалкое мусульманское владение, гордое успехами над китайцами, открыто позволяло себе не уважать достоинство русского государства. Я решился прекратить дальнейшее господство таранчи в Кульдже и разрешил генералу Колпаковскому двинуть туда вверенные ему войска. При этом я указал ему, что завоевание не входит в виды правительства; русские войска могут пройти Илийскую провинцию и упразднить существующее ныне управление, передав главенство той из народностей, населяющих эту территорию, которая будет обещать более правильные отношения к нашей власти, большее стремление к развитию торговых с нами отношений.... Султан Абиль-Огла сдался на волю победителю, и Илийская провинция как самостоятельное государство перестало существовать.¹⁵²

“Несанкционированной самостоятельностью” Кауфмана было и принятое им совместно с Колпаковским решение “о вреде присутствия в отряде китайских чинов” (“не считая 40 китайцев и калмыков и полусотни киргизских милиционеров для усиления разведочной службы и отправки с эстафетами и нарочными”) и относительно “несвоевременности ныне объявить илийскому населению о предстоящем восстановлении маньчжурской власти”.¹⁵³ В письме к Кауфману от 12 июня 1871 г. Колпаковский оговаривал, что последний факт не стоило афишировать вовсе, так как

¹⁵² Там же. Д. 44 (II). Л. 329-330; Милютин. Воспоминания. С. 434.

¹⁵³ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 46. Л. 246-247.

без этого объявления мы можем до некоторой степени рассчитывать если не на содействие против таранчей враждебных им дунган и равнодушных киргиз, то на их бездействие, тогда как в противном случае ненависть этих племен к китайцам заставит их ревностно поддержать таранчей и напрягать все свои силы, чтобы отвратить торжество общего врага.¹⁵⁴

Наконец, без предварительного согласования с Санкт-Петербургом Кауфман направил средства Туркестанского генерал-губернаторства на финансирование наступления.

Эта дерзкая авантюра завершилась полным успехом. Семиреченский отряд под командованием Колпаковского в составе пяти рот пехоты, трех сотен казаков и батареи артиллерии (всего 65 офицеров и 1785 солдат) покинул позиции 12 июня 1871 г. и, пройдя 135 верст (приблизительно 144 км) и выиграв четыре основных сражения (в частности, при Алим-ту, где были убиты 4000 мусульман), 22 июня принудил кульджиского султана Абиль-оглы сдаться. Эта сдача на милость победителя означала установление российской власти на 1224 квадратных милях¹⁵⁵ султаната, где, согласно статистике того времени, проживало от 100.000 до 350.000 человек.¹⁵⁶ Оружие, казна и султанские регалии Кульджды были выданы российским победителям приближенными Абиль-оглы, которые после падения султана устроили резню 20.000 китайцев и дунган в павшем городе.¹⁵⁷ Российские же войска, отметив “быстрое и счастливое покорение” завтраком в бывшем султанском дворце под музыку, “игравшую раздирающим образом”, приступили к организации временного управления провинцией, начав с установления контрибуции в 53.000 рублей за понесенные русскими убытки.¹⁵⁸

Об этом, как и о прочих деталях завоевания, Кауфман доложил в своем письме к Милютину от 28 июня 1871 г., приложив к нему подробный отчет Колпаковского.¹⁵⁹ Роль Милютина свелась в данном случае к информированию царя, МИДа и Министерства финансов о произошедших событиях и улаживанию скандала со “сверхсметными кредитами”.

¹⁵⁴ Там же. Л. 344-346.

¹⁵⁵ 3182 км² (одна квадратная миля соответствует приблизительно 2,6 км²).

¹⁵⁶ Макшеев. Исторический обзор. С. 286; I. Z. Xu. *The Ili Crisis*. P. 16.

¹⁵⁷ Schuyler. *Turkestan*. P. 186-187.

¹⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 46. Л. 246-248, 286.

¹⁵⁹ Там же. Л. 213, 228-286.

6. РЕАКЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

О произошедшем находившегося в Варшаве царя информировал телеграммой генерал-губернатор Западной Сибири Александр Хрушев. Реакция царя была лаконична: он сказался очень довольным таким поворотом, но при условии, что эти события не вовлекут Россию еще дальше вглубь Азии.¹⁶⁰

На более низкой ступени иерархической лестницы несанкционированный центрм захват Кульджи вызвал оживленный эпистолярный обмен между заинтересованными министерствами Санкт-Петербурга и Кауфманом. Исходя из принципа, что лучшая защита – это нападение, Кауфман в своем письме к Милютину от 6 июня 1871 г. потребовал подтвердить свое право на дополнительные суммы и свободное распоряжение финансовыми дотациями, которое он ставил в прямую зависимость от доверенных ему политических полномочий:

[Без права финансового полномочия] я не могу ручаться за целостность и спокойствие вверенного мне края и не могу пользоваться высочайше доверенным мне политическим полномочием. Одно полномочие без другого – немыслимо, и право войны и мира делается простой фикцией, как только министру финансов будет предоставлено право *veto*. Одно из двух: или я должен иметь полномочие требовать от казенной палаты в экстренных случаях деньги из общего фонда, с возложением на меня ответственности за правильность и благоразумие моего требования, или же я не могу пользоваться таким доверием, то тогда необходимо назначить на место мое другое лицо, которое может быть будет пользоваться этим доверием или сумеет обойтись без него. Будучи уполномочен его величеством объявлять войну, я до сих пор считал себя в праве требовать и денег.... Можно меня судить, если я делаю не так, если я не соблюдаю закона, если я затеваю войны без особой крайности, но компрометировать власть генерал-губернатора в таком крае, как здешний, и такими странными предписаниями казенной палаты, каково предписание министра финансов от 26 мая – я считаю вредным для дела.... Я прошу образовать здесь впредь до устройства телеграфа военный капитал в размере не менее 250 тысяч или 300 тысяч рублей, который мог бы служить для покрытия расходов, вызванных неожиданными военными обстоятельствами, впредь до определения сметным исчислением

¹⁶⁰ Моисеев. Россия и Китай. С. 126.

всего предстоящего расхода, и открытия кредита на войну в законодательном порядке.¹⁶¹

Вместе с тем Кауфман, следуя своей обычной манере, не оставил дело исключительно на усмотрение Милютина, постфактум обосновав свою позицию в письме к царю от 12 июля 1871 г. Основной лейтмотив оставался прежним. Война с Кульджой объяснялась “вызывающим поведением” кульджинского султана, которое заставляло местных военных верить в существующую поддержку Кашгара, что “делало наше положение на военной восточной границе столь же опасным, как и на западной”:

уполномоченный Вашим Императорским Величеством на решение политических, пограничных и торговых вопросов с соседними ханствами, ответственю за спокойствие вверенного моему управлению края, за целостность и честь командуемых мною войск, я считал бы себя виновным перед Вашим Величеством в преступном бездействии власти, если бы не принял всех возможных мер в ограждении от несчастных случайностей. Я должен был быть готов к наступательной войне, единственно соответствующей нашему здесь положению, а эти приготовления требовали средств [в частности, для захвата Кульджи были необходимы 65.000 рублей]. Суммы эти я мог добыть либо заимствованием из наличного фонда областного казначейства впредь испрошения сверхсметного кредита или покрытием расходов иным способом, либо займом у туземных купцов. Последнюю меру, – продолжал Кауфман, – я не считал ни удобным, ни достойным принять. Она обошлась бы весьма дорого и, выказав мнимую критичность нашего положения, весьма вероятно подвинула бы эмира [Бухары] или хана [Хивы] на такой решительный шаг, который повлек бы за собой открытый разрыв и войну. [...я решился] принять меру чрезвычайную и сохранить, может быть, тем самым честь русского имени, прочность нашего здесь положения и спокойствие в крае, избавить зарождающееся в нем русское население от риска разорения, а войска, в нем расположенные, от невыгодного принятия боя на нашей территории.¹⁶²

Следуя логике Кауфмана, было бы “малодушно и преступно сложить с себя ответственность” в ожидании необходимого кредита, который, придя поздно, “застал бы дела наши уже настолько испорченными, что

¹⁶¹ ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 46. Л. 316-317.

¹⁶² Там же. Л. 318, 323-324.

поправление их потребовало бы и больших усилий и гораздо больших расходов”¹⁶³:

... наши здесь дела именно таковы, что одна решительная победа может уничтожить целое ханство, но зато и одно поражение или одна ошибка могут надолго подорвать прочность нашего положения в Средней Азии. Верность соображений, руководимых моими действиями, подтверждается последствиями: Кульджа наказана и с покорностью ожидает своей участи; кашгарский властитель присмирел и разрешил торговцам, задержанным им в Кашгаре, свободное возвращение домой; ...внутри вверенного мне края все спокойно.¹⁶⁴

Объяснения Кауфмана возымели свое действие: согласно резолюции на его докладе царь Александр II нашел объяснения убедительными и приказал снять все претензии к победителю – туркестанскому генерал-губернатору.¹⁶⁵

Вместе с тем, не желая полностью перейти на точку зрения Кауфмана – Колпаковского, Александр II, согласно докладу графа Гейдена от 21 июня 1871 г., потребовал, чтобы продвижение русских войск в Кульдже имело бы прежде всего “характер восстановления в этом крае маньчжурской власти и отнюдь не повлекло бы за собой прочного нашего утверждения в бывшей Илийской провинции”.¹⁶⁶

Переписка же с дирекцией Азиатского департамента МИДа носила более резкий характер. Так, в письме от 25 июля 1871 г. Кауфману было разъяснено, что в основе противостояния между ним и Санкт-Петербургом лежит не личное к нему недоверие, а необходимость подчинить общим государственным потребностям его действия против Хивы и в меньшей степени против Кульджи. Признавая, что Кауфман поставил себе “монумент устройством всей нашей среднеазиатской системы”¹⁶⁷, ему недвусмысленно ставилось на вид, что правительство

не может и не должно отказываться от всех своих прав ... и как бы подчинить себя ... воззрению и образу действий [своих высших представителей на местах]. Этого не существует и не может существовать ни в одной сколько-нибудь благоустроенной стране. Не говоря уже о прочих бедственных последствиях, которые могли

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. Л. 325.

¹⁶⁵ Там же. Л. 326.

¹⁶⁶ Там же. Л. 299-300.

¹⁶⁷ Там же. Л. 405.

бы от этого произойти при подобном отречении..., было бы невозможно проводить какую-либо систему в политике внешней и внутренней, и государство представляло бы собой пестрое платье арлекина. По соображениям наших материальных средств и общих политических видов ... мы горячо желаем, чтобы, по крайней мере, лет еще на десять Господь избавил нас от новых завоеваний и территориальных приобретений [в Хиве, Бухаре и Афганистане].¹⁶⁸

В отношении же Кульджи подчеркивалось, что всякое действие в Западном Китае и Монголии должно было предваряться соглашением с пекинским правительством. Видя нежелание Пекина принимать активные действия, захват Кульджи следовало отменить.¹⁶⁹ Теперь же после волюнтаристских действий Кауфмана

мы принуждены будем хозяйничать в Кульдже, и невозможно будет оттуда уйти без потерь, и нужно будет присоединять и присоединять. Раньше или позже нам придется помериться с Кашгаром.... Дай бог, чтобы Колпаковский водворил там [в Кульдже] китайские или туземные власти, чтобы те обеспечили спокойствие, но избавил бы нас от приобретения; торговля ничего не выиграет от знаменитого кульджинского рынка, который и в лучшее время был только транзитным пунктом.¹⁷⁰

Несмотря на полученный “холодный душ”, Кауфман не выражал никаких признаков беспокойства: согласно его видению ситуации, позиция Кульджи напоминала ситуацию с Самаркандом, договор с которым от 1868 г. так и не был ратифицирован царем, из-за чего город уже в течение четырех лет считался временно завоеванной территорией с временным управлением. Как писал Кауфман в своей записке на имя царя, МИДа и Милютина от 21 июля 1871 г.,

только Самаркандом мы держим Бухару в повиновении.... С водворением русского имени и русской власти в центре Средней Азии нам представилась трудная задача – перевоспитание среднеазиатских правительств. Первый шаг к перевоспитанию – это конечно удары, нанесенные оружием, но затем, не останавливаясь, надобно идти далее путем развития торговли и мирных сношений. Я думаю, что Кокан [Коканд] и Бухара много уже успели на этом поприще. Возвращением же Самарканда дело значительно будет испорчено.

¹⁶⁸ Там же. Л. 399, 402.

¹⁶⁹ Там же. Л. 403.

¹⁷⁰ Там же. Л. 404-405.

Эти соображения были не чем иным, как продолжением идей 1870 г., когда на требования Министерства иностранных дел вернуть Самарканд Кауфман ответил, что подобное представляется невозможным, ибо Россия не сможет обойтись без этого важного наблюдательного поста между Бухарой и Афганистаном, откуда всегда могут исходить интриги.¹⁷¹ Руководствуясь той же логикой, русское военное присутствие в Кульдже было необходимо для установления относительного контроля над Якуб-беком и приграничными кочующими племенами.

Подобные соображения не вполне разделялись МИДом, управляющий которого Вейсман в сентябре 1871 г. писал Милютину:

Печальный пример Самарканда достаточно показал нам всю несостоятельность мероприятий главного начальника Туркестанского края, направленных к исполнению высочайшей воли, объявленной в 1868 году. Самарканд, вопреки желанию правительства, остался до сих пор в наших руках, а в последнее время генерал-адъютант Кауфман прямо заявляет, что Самарканд возвратить Бухаре нельзя. Крайне желательно, чтобы в настоящем случае мы вполне добросовестно воспользовались опытом последних годов и чтобы все действия пограничных начальников по отношению к Кульджинскому округу стремились неукоснительно к цели, указанной правительством; при этом само собой разумеется, что подробности дополнения могут быть выработаны только на месте.

Милютин, выполняя роль связующего звена, переправил это сообщение Кауфману, добавив со своей стороны, что необходимо “употребить все силы для устранения возможности присоединения со временем Кульджинской земли к нашим владениям”. Однако он не смог поколебать решимости Кауфмана, который быстрым карандашным росчерком поставил на официальной бумаге резолюцию: “непонятно, непонятно до крайности!”¹⁷²

Немилость центральной власти оказалась мимолетной из-за изменившейся позиции царя. Вновь подняв на щит спасительную фразу о “силе обстоятельств”, заставивших русских прибегнуть к оружию, санкт-петербургское правительство вскоре перешло к обсуждению политики “обустройства” в Кульдже. На фоне нежелания Китая переходить к активным действиям в крае до установления порядка в Монголии (как доносил Влангали¹⁷³), “китайский предлог” насту-

¹⁷¹ Милютин. Воспоминания. С. 327.

¹⁷² ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 47. Л. 176-178.

¹⁷³ Там же. Д. 46. Л. 349.

пательной политики русского империализма все более и более терял свою актуальность:

... в виду полученного от китайского правительства уклончивого ответа, – писал Гейден в том же докладе от 21 июня 1871 г., – казалось бы, более удобным и выгодным для нас не обязывать туркестанского генерал-губернатора непременно стремиться к восстановлению китайской власти в Илийской долине, а предоставить его усмотрению содействовать к утверждению в этом крае такого порядка вещей и такого туземного управления, которое послужило бы к явной выгоде нашим интересам. Кто бы ни был правитель – китаец, таранчин или дунганин, которого по ближайшим соображениям признано будет полезным утвердить в соседней с нами стране, – желательно, чтоб он дал нам такие материальные и нравственные гарантии, которые обеспечили бы спокойствие на нашей границе и способствовали свободному развитию нашей торговли: иначе говоря, лучшим результатом предпринятого уже движения на Кульджу было бы образование в соседстве с нами владения, которое, подобно Кокану, находилось бы в вассальных отношениях к России.

Те же самые идеи, выраженные практически в той же форме, были повторены в письме к генерал-майору Влангали:

Этим способом мы могли бы положить начало к будущему распространению нашего влияния и торговых сношений к востоку от Илийской долины, а вместе с тем остановить стремление враждебного к нам кашгарского владетеля к постепенному захвату отложившихся от Китая провинций.¹⁷⁴

В письмах к Кауфману от 15, 16 и 28 июля 1871 г. Милютин и Гейден, уточняя нюансы этой новой позиции центральной власти, сообщали, что туркестанский генерал-губернатор получил право установить по своему усмотрению “выгоднейший порядок управления в Кульджинском ханстве, избегая распоряжений, могущих привести к постоянному в нем утверждению”, чтобы, используя опыт Кульджи, “дать урок Якуб-беку”.¹⁷⁵ Также подтверждалось, что все соглашения с независимыми владениями должны производиться “нами непосредственно [не прибегая к китайскому посредничеству] и притом от имени

¹⁷⁴ Там же. Д. 46. Л. 299-302. Те же идеи и в той же практически форме были повторены в письме управляющего МИДа генералу-майору Влангали от 30 июля 1871 г., утвержденного царем 1 июля 1871 г., откуда и взята последняя фраза, см.: Там же. Л. 412-416.

¹⁷⁵ Там же. Л. 351, 359-361.

туркестанского генерал-губернатора”.¹⁷⁶ Однако дальнейшее продвижение к Кур-Кара-Усу и к Хобдо и привлечение к военным действиям Западно-Сибирского отряда строго запрещалось.¹⁷⁷

Подводя итог этой выигранной дипломатической битве, Кауфман в письме к Милютину от 23 октября 1871 г. уже в открытую говорил о создании вассального государства в Кульдже и не без гордости рапортовал:

Решительные меры, принятые против кульджинского султана, открытием военных действий, занятием Кульджи и лишением его всякой власти и значения, привели очевидно к желанному результату. Спокойствие водворено на границе и между кочевниками киргизами; Кульджа и принадлежащие к ней города и селения открыты нашим торговцам; и наконец, влияние на бывшее таранчинское ханство враждебного нам правителя Джиты-Шара Якуб-бека само собою пало. Занятием Музаратского прохода мы отрезали ему путь в Илийскую долину и в то же время, угрожая ему через этот проход или с Нарына, заставляем его быть на стороже и здесь и там, и удерживаем его таким образом от дальнейших стремлений к востоку. [...] Известие о быстром захвате [Кульджи] дошло до Бухары и до Хивы и заставило задуматься советников [эмира и] хана, толковавших о войне против России, [и признать очевидность] невозможности бороться с Россией.¹⁷⁸

Победная стратегия Кауфмана обростала новыми нюансами в письме к Горчакову, написанном в тот же день. Призывая канцлера приложить все силы, чтобы “вызвать Китай на решительные действия на Западе”, туркестанский генерал-губернатор предлагал в качестве более “реалистичной” альтернативы

побудить его [Пекин] формально отказаться от своих прав на эти земли. В последнем случае, как только получится подобный отказ через посланника нашего в Пекине, можно будет приступить к окончательному устройству этой страны и ввести то управление, какое обстоятельства нам укажут. ... Кульджа сама по себе не имеет для нас значения ни по численности, ни по богатству населения, но она имеет важность по той роли, какую она может играть как страна, отделяющая нас от урумчинских дунган и далее от коренных китайских земель.¹⁷⁹

---

¹⁷⁶ Там же. Л. 412-416.

¹⁷⁷ Там же. Л. 408.

¹⁷⁸ Там же. Д. 48. Л. 73-74.

¹⁷⁹ Там же. Л. 79-81.

Чтобы притушить межведомственные конфликты, Кауфман в тот же день отправил письмо директору Азиатского департамента МИДа, где занятие Кульджи вновь представало как “временная мера, вызванная исключительно условиями страны; она отнюдь не связывает нас на будущее время и нисколько не предрешает судьбы вновь покоренной страны”.¹⁸⁰

Тем не менее политическая тенденция стала очевидной. 23 августа 1871 г. командующий войсками Семипалатинской области генерал-майор Полторацкий приказал занять долину реки Эмиля, мотивируя это тем, что отозвать и распустить готовый к наступлению отряд было невозможно, не спровоцировав “невыгодное нравственное впечатление” среди “азиатцев”.¹⁸¹ Новая персональная инициатива на западных границах Китая, проявленная на фоне еще идущей словесной перепалки с Кауфманом, вновь активизировала дискуссии между центром и периферией о возможных ограничениях экспансии русских границ. Что до Кульджи, то споры о ее дальнейшей судьбе не теряли своей актуальности в течение всех десяти лет российской оккупации, конец которой совпал с годом смерти Кауфмана – главного инженера трансформации Илийской провинции Китая в российское вассальное подразделение (его смерть не была причиной возвращения Или Китаю).

Заключение

Несмотря на “классическую” идею русско-советской историографии об “особости характера” российского продвижения в Среднюю Азию, кульджинский эпизод ясно обнаруживает общий для всех империалистических держав сценарий. Согласно ему, военным и политическим элитам центра было практически невозможно контролировать инициативу локальных элит, более агрессивных в сравнении с центральными элитами¹⁸² и постоянно нацеленных на захват новых территорий под различными предлогами, среди которых первое место занимали соображения безопасности на границе, “естественность” этих границ,

¹⁸⁰ Там же. Л. 82.

¹⁸¹ Там же. Д. 47. Л. 101.

¹⁸² П. А. Зайончковский уже отмечал это противопоставление между элитами центра и периферии в своих работах о разногласиях Д. А. Милютина и А. М. Горчакова. Я благодарю одного из моих анонимных рецензентов за указание на то, что глава, анализирующая этот вопрос, была исключена из докторской диссертации Зайончковского. Военные реформы 1860–1870 гг. в России (Москва, 1952), но включена в сборник статей Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Под ред. Л. Г. Захаровой. Москва, 2008.

поддержание имперского престижа и извлечение возможных торговых выгод. Феномен “the man on the spot”, достаточно подробно изученный западными исследователями в широком географическом (от Северной Америки до Кореи) и хронологическом (от времен Ост-Индийской компании до Второй мировой войны) плане¹⁸³ находит, вне сомнений, свое место на российском материале, явно показывающем противостояние между центральными и периферийными элитами. В качестве “русской особенности” этого противостояния, со всеми оговорками, можно обозначить относительную легкость, с какой государство прощало частные авантюрные инициативы при условии их одобрения царем и удачной реализации, и слабую обеспеченность российской завоевательной политики финансовыми ресурсами.

Безосновательной представляется идея о подчиненности русского движения вглубь Азии “слепому року” и “случайности”. Геополитические интересы, в первую очередь противостояние с Англией, признанные и утвержденные центральной властью, лежали в основе всех военных локальных демаршей, зеркально отражающих ключевые идеи Санкт-Петербурга, но зачастую без изысканной дипломатической вуали. “Китайская составляющая” в случае с Кульджей была не самоцелью военных проектов местных и центральных элит, но лишь предлогом в наступательной аргументации, и по мере реализации военных действий важность китайского фактора уменьшалась как шагреновая кожа, обнаруживая свой характер маскировочной риторики, за которой скрывалось патерналистское отношение к Китаю. В иерархии российских внешнеполитических ценностей Китай оставался “восточной” державой, вполне сравнимой со среднеазиатскими “варварскими” ханствами, интересы которой “европейская” Россия могла при необходимости относительно свободно проигнорировать или же, наоборот, “осчастливить моральной поддержкой”. При этом степень рациональности дискурсов претерпевала значительные изменения, позволяя представлять в качестве “логичных” абсолютно алогичные конструкции.

На всех уровнях власти понимали, что “восточный” внешнеполитический курс России диктуется ее “западной” составляющей: “... подобно тому, как мы ничего не выиграли, но скорее проиграли, спасая чужие троны в Европе, – писал Иван Бабков, – повторилось на этот

---

¹⁸³ См., в частности: Roger D. Long. *The Man on the Spot: Essays on British Empire History*. Westport Conn., 1995.

раз почти то же самое и в Азии”.¹⁸⁴ О неравноправных отношениях с Китаем свидетельствует и тот факт, что, выводя свои войска из Или, Россия затребовала, согласно статье 4 Санкт-Петербургского договора от 12 февраля 1881 г., девять миллионов металлических рублей “на покрытие издержек, вызванных занятием русскими войсками Илийского края с 1871 года”.¹⁸⁵

Вместе с тем сами наступательные программы подобного толка могли быть выработаны только пограничными командирами и местными колониальными администраторами, обладавшими важными знаниями благодаря собственным наблюдениям и донесениям различной по концентрации агентурной сети¹⁸⁶ (хотя нередко и в ограниченном радиусе, не имея детальной картины всех районов Китайского Туркестана). Их знания местности кардинально отличались от абстрактного политического видения элит центра. Балансируя между собственным ощущением “естественных” пределов России в вверенном регионе, желанием утвердить личный авторитет у “туземцев”, среди которых у них имелось немало доверенных лиц, стремлением обеспечить себе более спокойную обстановку для управления и получить определенные экономические выгоды и персональные дивиденды, местные колониальные элиты мастерски использовали слабости системы. Они манипулировали дискурсами и пользовались тем, что система обеспечивала относительную свободу и волюнтаризм в принятии решений, в том числе финансовых.

Подобный “периферийный империализм” держался не на глобальных централизованных программах, хотя и учитывал общие геополитические тенденции, но более всего на знаниях и личных амбициях местных администраторов. Размеры этих амбиций находились в прямой зависимости от масштабов и темперамента конкретных личностей. Фигура Кауфмана является в данном случае ключевой для понимания механизма российского продвижения в Средней Азии. Кульджинский эпизод, как и вся история завоевания Средней Азии, показывает, как в ходе бесконечных переговоров между центром и периферией Кауфман умудрялся навязывать центральной власти свой дискурс: его риторика и аргументация, первоначально отвергаемые, постепенно не просто принималась центральными министерствами, но и интериоризирова-

¹⁸⁴ Бабков. Воспоминания. С. 531. Цит. по: Воскресенский. Генезис “Илийского кризиса”. С. 767.

¹⁸⁵ Скачков, Мясников. Русско-китайские отношения. С. 56, 60.

¹⁸⁶ Гоков. Особенности военной разведки. С. 64-65.

лись ими как собственные. Подобно ситуации в британской Индии, французском Индокитае и Алжире или на американском Западе, логика боевых командиров приграничных областей неизбежно становилась логикой государства, а аргументы о “естественных пределах” расширения России оказывались созвучными империалистическим представлениям практически на любом уровне власти.¹⁸⁷

Военная интервенция в Кульджу была краткой интерлюдией, которая лишь отодвинула вопрос о новой демаркации. Требование установления границы вновь прозвучало после 4 марта 1878 г., когда российское правительство приняло решение о возвращении Кульджи Китаю, но с условием удовлетворения российских коммерческих и пограничных претензий и амнистии восставших. Базовый принцип “естественности” не претерпел существенных изменений за это время. Тем не менее пространственный проект “естественной” границы по Ливадийскому договору октября 1879 г., который был чрезвычайно выгодным для России и потому остался не ратифицированным центральной китайской администрацией, значительно отличался от проекта границы по взаимно ратифицированному Петербургскому договору от 12 февраля 1881 г. Статьи этого договора скорее благоприятствовали китайской стороне. Основанный на нем проект демаркации новой пограничной линии частично (от селений Колджат к югу) учитывал предыдущее разграничение, установленное Чугучагским договором 1864 г. Однако, поскольку эта граница уже однажды спровоцировала проблемы между киргизскими родами, новый пограничный рубеж был зафиксирован с помощью гораздо более “композитной” формулировки, отступающей от принципа “естественных границ”:

Новый граничной черте дано будет, по возможности, направление среднее между прежнею границей и прямою линией, пересекающей Черный Иртыш по направлению от гор Куйтун к хребту Саур.¹⁸⁸

Реальная же демаркация была реализована лишь частично в 1884 г. (Новомаргеланский протокол). Она завершилась только в 1894 г. в ходе урегулирования статуса Памира.¹⁸⁹ Российско-китайская граница при этом сохранила свой взрывоопасный потенциал на десятилетия вперед.

¹⁸⁷ Процесс вывода войск из Кульджи не может быть рассмотрен в жанре подобного детального “автопортрета”, поскольку сборник Серебренникова не затрагивает этот период.

¹⁸⁸ Скачков, Мясников. Русско-китайские отношения. С. 56.

¹⁸⁹ Мясников, Шепелева. Империя Цин и Россия. С. 72.

SUMMARY

This is a microhistory of the decision making leading to the conquest of Kuldja (Ghulja) by the Russian troops in 1871–1881. Svetlana Gorshenina deconstructs different understandings of the theory of a “natural border” that influenced the changing opinions of the Petersburg military and diplomatic elites, colonial administrators of Turkestan and Central Asia, and military commanders on the ground. The article presents a nuanced and multilayered picture of the discursive reality behind the conquest of Kuldja, thus explicating a complex mechanism of interaction of the metropole and peripheral actors, the role of local versus universal knowledge, and the influence of diplomatic considerations vis-à-vis Europe and China.

The study is based on archival documents assembled in the course of 1901–1905 by the military engineer, lieutenant colonel Andrian Serebrennikov, for the *Collection of Materials for a History of the Conquest of the Turkestan Region*. The Kuldja-related documents of the collection remained unpublished and are now preserved in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan.

BIBLIOGRAPHY

- Anderson, Benedict. *L’imaginaire national: réflexions sur l’origine et l’essor du nationalisme* / Trad. de l’anglais par Pierre-Emmanuel Dauzat. Paris, 2002.
- Andreev, A. I. *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsevetskoi Rossii*. St. Petersburg, 2006.
- Anonim. *Mongol’skii vozhd’* // *Materialy dlia statistiki Turkestanskogo kraia*. Ezhegodnik. St. Petersburg, 1873. Pp. 193-196.
- Babkov, I. F. *Vospominaniia o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri, 1859–1875 gg. Razgranichenie s Zapadnym Kitaem 1869 g.* St. Petersburg, 1912.
- Bagrov, Leo. *Istoriia russkoi kartografii*. Moscow, 2005 [1975].
- Bartold, V. V. *Istoriia izuchenii Vostoka v Evrope i Rossii* // *Sochineniia*, Moskva, 1977. T. 9. Sc. 199-484.
- *Otchet o komandirovke v Turkestan. Avgust-dekabr’ 1920 goda* // V. V. Bartold. *Sochineniia*. Moscow, 1973. Vol. 8. Pp. 366-396.
- *Otchet o komandirovke v Turkestanskii kraii letom 1916 goda* // V. V. Bartold. *Sochineniia*. Moscow, 1973. Vol. 8. Pp. 336-339.
- *Turkestanskaia gosudarstvennaia biblioteka i mestnaia musul’manskaia pechat’* // V. V. Bartold. *Sochineniia*. Moscow, 1977. Vol. 9. Pp. 558-559.

- Bassin, Mark. Turner, Solov'ev, and the “Frontier Hypothesis”: The Nationalist Signification of Open Spaces // *The Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3. Pp. 473-511.
- Boggs, Samuel Whittemore. *International Boundaries: A study of Boundary Functions and Problems*. New York, 1940.
- Bogoiavlenskii, N. V. *Zapadniy zastennyi Kitai: ego proshloe, nastoiashchee sostoianie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh*. St. Petersburg, 1906.
- Clem, Ralph S. *The Frontier and Colonialism in Russian and Soviet Central Asia* // Robert A. Lewis (Ed.). *Geographic Perspectives on Soviet Central Asia*. London and New York, 1992.
- Curzon, George Nathaniel. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. London and New York, 1889.
- Debize, Lt-colonel d'état-major. *Étude sur l'Asie centrale. Angleterre – Russie – Chine* // *Bulletin de la Société de géographie de Lyon*. 1879. Vol. 2. Pp. 521-560.
- Debray, Régis. *Eloge des frontières*. Paris, 2010.
- Delort, Robert. *La Moscovie du XVIe siècle vue par l'ambassadeur occidental Herberstein*. Paris, 1965.
- Dmitriev, G. D. *Materialy nekotorykh fondov lichnogo proiskhozhdeniia po istorii Srednei Azii vtoroi poloviny XIX–nachala XX vv.* // *Nauchnye trudy TashGu*. 1972. No. 423. Pp. 50-75.
- Dubrovskaya, D. V. *Sud'ba Sin'tsiana. Obretenie Kitaem “novoi granitsy” v kontse XIX v.* Moscow, 1998.
- Fairbank, John K. and Kwang-Chinghiy (Eds.). *The Cambridge History of China*. Vol. 2: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. London and New York, 1980.
- Fletcher, Joseph F. *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia* [Variorum collected studies series]. Aldershot, 1995.
- Foucher, Michel. *L'invention des frontières*. Paris, 1987.
- Frechtling, Louis E. *Anglo-Russian Rivalry in Eastern Turkistan, 1863–1881* // *Royal Central Asian Journal*. 1939. 26 July. Pp. 471-489.
- Gillard, David. *The Struggle for Asia: 1828–1914. A study in British and Russian Imperialism*. London, 1977.
- Gokov, O. A. *Osobennosti voennoi razvedki Rossii na musul'manskom Vostoke (1856–1890-e gg.)* // *Canadian – American Slavic Studies*. 2011. Vol. 45. No. 1. Pp. 36-75.
- Gorodetskii, V. D. *Bibliografiia po Turkestanu*. Tashkent, 1913.
- Gorshenina, Svetlana. *Asie centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique*. Paris, 2012.

-
- L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. Genève, 2014.
- Krupneishie proekty kolonial'nykh arkhivov Rossii: utopichnost' total'noi Turkestaniki general-gubernatora Konstantina Petrovicha fon Kaufmana // *Ab Imperio*. 2007. No. 3. Pp. 291-354.
- Le Recueil turkestanais de Mežov: l'utopie d'une somme exhaustive des connaissances sur l'Asie centrale // *Études Asiatiques* / Sous la dir. d'Anke von Kügelgen. 2011. Vol. 65. No. 3. Pp. 625-659.
- Gottmann, Jean. La politique des États et leur géographie. Paris, 1952.
- Grodekov, N. I. Khivinskii pokhod 1873 g. Deistviia kavkazskikh otriadov. St. Petersburg, 1888.
- Voina v Turkmenii. Pokhod Skobeleva v 1880–1881 gg. St. Petersburg, 1883–1884.
- Guichonnet, Paul & Claude Raffestin. Géographie des frontières. [Paris], 1974.
- Gurevich, M. P. Istoriiia "iliiskogo voprosa" i ee kitaiskie fal'sifikatory. Dokumenty oprovergaiut (protiv fal'sifikatsii istorii rusko-kitaiskikh otnoshenii). Moscow, 1982.
- Hammer, Michel. D. A. Miljutin et la politique extérieure de la Russie // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1982. Vol. 23, No. 3-4. Pp. 333-349.
- Hopkirk, Peter. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London, 1990.
- Houellebecq, Michel. *La carte et le territoire*. Paris, 2010.
- Ivanin, I. I. Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839–1940. Vystuplenie Orenburgskogo otriada v noiabre 1839 g. St. Petersburg, 1873.
- Jelavich, Charles & Barbara. *Russia in the East 1876–1880: The Russo-Turkish and the Kuldža Crisis as Seen through the Letters of A. G. Jomini to N. K. Giers*. Leiden, 1959.
- Jones, Stephen Barr. *Boundary-Making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners* / Foreword by S. Whittemore Bogg. [Monograph series of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International law, No. 8]. Washington, 1945.
- Kadnikov, V. S. Iz istorii kul'dzhinskogo voprosa // *Istoricheskii vestnik*. 1911. Vol. 124. No. 2-6. Pp. 893-909.
- Kiernan, V. G. Kashgar and the Politics of Central Asia, 1868–1878 // *Cambridge Historical Journal*. 1955. Vol. 11. No. 3. Pp. 317-342.
- Khalfin, N. A. Britanskaia ekspansiia v Srednei Azii v 1830–1840 gg. i missiia Richmonda Shekspira // *Istoriiia SSSR*. 1958. No. 2. Pp. 103-112.
- Poslannik Petra I na Vostoke. Posol'stvo Florio Beneveni v Persiiu i Bukharu v 1718–1725 godakh. Moscow, 1986.

- Tri russkie missii: iz istorii vneshnei politiki Rossii na Srednem Vostoke vo vtoroi polovine 60-kh godov XIX veka. Tashkent, 1956.
- Khodarkovsky, Michael. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2002.
- Khodzhaev, Ablat. Tsinskaia imperiia, Dzhungariia i Vostochnyi Turkestan (Kolonial'naia politika tsinskogo Kitaia vo vtoroi polovine XIX v.). Moscow, 1979.
- Kim, Hodong. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, 2004.
- Kolesnikov, Aleksandr. Russkie v Kashgare (vtoraia polovina XIX–nachalo XX vv.). Missii, Ekspeditsii. Puteshestviia. Bishkek, 2006.
- Krakowski, Edouard. Chine et Russie: l'Orient contre la civilisation occidentale. Paris, 1957.
- Kuropatkin, A. N. Kashgariia. Istoriko-geograficheskii ocherk strany, eia voennye sily, promyshlennost' i trgovlia. St. Petersburg, 1879.
- Les confins anglo-russes dans l'Asie centrale. Étude historique, géographique, politique et militaire sur la Kachgarie. tr. de G. le Marchand. Paris, 1879.
- Zadachi russkoi armii. St. Petersburg, 1910.
- Kusheva, E. N. Ob odnoi dorevoliutsionnoi publikatsii dokumentov po istorii Srednei Azii // Problemy istochnikovedeniia. 1940. Vol. 3. Pp. 409-421.
- Laruelle, Marlène. Le mythe aryen en Russie au XIXe siècle. La création d'une cosmogonie nationale, entre science et idéologie / Thèse de doctorat; Paris, 2002.
- LeDonne, John P. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York and Oxford, 1997.
- Lee, Jonathan R The “Ancient Supremacy”: Bukhara, Afghanistan and the Battle for Balkh, 1731–1901. Leiden, 1996.
- Levshin, A. I. Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisach'ikh ord i stepei. St. Petersburg, 1832.
- Lobysevich, F. I. Postupatel'noe dvizhenie v Sredniuu Aziiu v torgovom i voenno-diplomaticheskom otnoshenii. Dopolnitel'nye materialy dlia istorii Khivinskogo pokhoda 1863 g. (iz ofitsial'nykh istochnikov). St. Petersburg, 1900.
- Long, Roger D. The man on the spot: essays on British empire history. Westport, CT, 1995.
- Maksheev, A. I. Istoricheskii obzor Turkeстана i nastupatel'nogo dvizheniia v nego russkikh. St. Petersburg, 1890.

- Meier, L. *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nog shtaba*. St. Petersburg, 1865. Vol. 10: Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva.
- Meyer, Karl E. and Shareen Blair Brysac. *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia*. Washington, DC, 1999.
- Miasnikov, V. S. and N. V. Shepeleva. *Imperiia Tsin i Rossiia v XVII – nachale XX v. // S. L. Tikhvinskii (Ed.). Kitai i sosedi v novoe i noveishee vremia*. Moscow, 1982.
- Miliutin, Dmitrii A. *Vospominaniia general-fel'dmarshala grafa Dmitriia Alekseevicha Miliutina: 1868 – nachalo 1873 (knigi XVIII–XX)*. Moscow, 2006.
- Mirfendereski, Guive. *A Diplomatic History of the Caspian Sea. Treaties, Diaries, and Other Stories*. New York, 2001.
- Mirzaeva, L. R. *Ob odnom tsennom istochnike po istorii Srednei Azii XIX veka // Nauchnye raboty i soobshcheniia AN UzSSR. Otdelenie Obshchestvennykh nauk. Vol. 1. Tashkent, 1960. Pp. 95-102.*
- *Sbornik "Turkestanskii krai" A. G. Serebrennikova i ego znachenie dlia sredneaziatskoi istoriografii / Dissertatsiia na soiskanie nauchnoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Tashkent, 1963.
- Moiseev, B. A. *Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraia polovina XIX v. – 1917)*. Barnaul, 2003.
- Noda, Jin. *Reconsidering the Ili Crisis – The Ili Region under Russian Rule (1871–1881) // Mitsuko Watanabe and Jumpei Kubota (Eds.). Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future*. Kyoto, 2010. Pp. 163-197.
- Nordman, Daniel. *Frontières de France. De l'espace au territoire, XVIe–XIXe siècles*. Paris, 1999.
- Narochinskii, A. L. *Kolonial'naia politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke, 1860–1895*. Moscow, 1956.
- Gerbershtein, Sigizmund (Sigismund von Herberstein). *Zapiski o Moskovii / Ed. A. V. Nazarenko, A. I. Pliguzov, A. L. Khoroshevich, V. L. Ianin*. Moscow, 1988.
- Paine, S. C. M. *Imperial Rivals: China, Russia, and their Disputed Frontier*. Armonk, 1996.
- Postnikov, A. V. *Skhvatka na "Kryshe Mira": politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX veke: (monografiia v dokumentakh)*. Moscow, 2001.
- Prikazy generala M. D. Skobeleva (1876–1882). St. Petersburg, 1882.

- Ratzel, Friedrich. La géographie politique. Les concepts fondamentaux. (1ère éd. 1897) / Choix de textes et trad. par François Ewald, préface de Michel Korinman. Paris, 1987.
- Romanovskii, D. I. Zametki po sredneaziatskomu voprosu. St. Petersburg, 1868.
- Sakharov, [V. V.] and [L. G.] Kornilov. Kashgariia ili Vostochnyi Turkestan. Opyt voenno-statisticheskogo opisaniia. Tashkent, 1903.
- Savitskii, P. N. Geograficheskie zametki po russkoi istorii // P. N. Savitskii. Kontinent Evraziia. Moscow, 1997 [1927].
- Schuyler, Eugene. Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876.
- Serebrennikov, A. G. K istorii Kokandskogo pokhoda // Voennyi sbornik. [1899?]. No. 9. Pp. 5-28.
- Ocherk Pamira // Voennyi sbornik. 1899. No. 6. Pp. 432-444; No. 7. Pp. 219-236; No. 8. Pp. 442-446; No. 9. Pp. 212-226; No. 10. Pp. 447-466.
- Ocherki Shugnana // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i istoricheskikh materialov po Azii. 1895. Vol. 70. Pp. 1-52.
- Pamir i pamirskie khanstva (Voенно-geograficheskii i topograficheskii ocherk) // Inzhenernyi zhurnal. 1894. No. 11-12. Pp. 1539-1554.
- Predislovie // Sbornik materialov dlia istorii ego zavoevaniia, 1864 god. Part. 2. Tashkent, 1914. P. 1.
- Sergeev, E. Iu. Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii. Moscow, 2012.
- Skachkov, P. E., V. S. Miasnikov (Eds.). Russko-kitaiskie otnosheniia. 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty. Moscow, 1958.
- Snesarev, A. E. Indiiia kak glavnyi faktor v sredneaziatskom voprose. St. Petersburg, 1906.
- Suteeva, K. A. Politika Rossii v Iliiskom krae v 1871–1881 gg. / Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk; Almaty, 1987.
- Terent'ev, M. A. Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. Moscow, 1916.
- Veniukov, M. I. Opyt voennogo obozreniia russkikh granits v Azii. St. Petersburg, 1873–1876.
- Poiasnitel'naia zapiska k karte Kokandskogo khanstva // Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. St. Petersburg, 1862. No. 1. Pp. 172-176.
- Voskresenskii, A. D. Diplomaticheskaia istoriia russko-kitaiskogo St. Petersburgskogo dogovora. Moscow, 1995.

- Voskresenskii, A. D. Genesis “Iliiskogo krizisa” i rusko-kitaiskii Livadiiskii dogovor 1879 g. // *Cahiers du monde russe*. 1994. Vol. 35. No. 4. Pp. 763-786.
- Walker, John T. General Report on the Operations of the Great Trigonometrical Survey of India During 1872–73, Prepared for Submission to the Government of India. Calcutta, 1873.
- Wieczynski, Joseph L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History // *Russian Review*. 1974. Vol. 33. No. 3. Pp. 284-295.
- Xu, Immanuel Zhongy (I. C. Y. Hsü). *The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881*. Oxford, 1965.
- Zaionchkovskii, P. A. *Sbornik statei i vospominanii k stoletiiu istorika* / Ed. L. G. Zakharova. Moscow, 2008.

ARCHIVES

Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGARUz). F. I-715. Op. 1. D. 1, 20, 22, 25, 26, 44, 45, 46, 47, 48.